

Марк Блиев



ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

в коллизиях российско-грузинских отношений

 европа

Марк Блиев
Южная Осетия в коллизиях
российско-грузинских отношений

*Текст предоставлен издательством «Европа»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171356*

*М.Блиев Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений: Европа; Москва; 2006
ISBN 5-9739-0035-5*

Аннотация

Обстоятельная книга Марка Блиева погружает читателя в историю с древнейших времен, включая вековые попытки грузинских князей лишить осетин воли, земли и крайне непоследовательные действия российских наместников на Кавказе. Лишь Николай I лучше других понимал ситуацию и воспротивился размаху карательных мер, направленных против осетин. Северная Осетия жила по законам Российской империи, Южная – практически оставалась под властью грузинских угнетателей. Сталин продолжил традицию, передвинув границу с Грузией так, что к ней отошла вся Военно-Грузинская дорога. Особенно ценна возможность шаг за шагом проследить, как новая Грузия стремилась вытеснить осетин из родных мест, для начала в 1990 году отказав Южной Осетии в праве на автономное существование. Сочинские соглашения эпохи игр Шеварднадзе с Ельциным сделали Россию единственным гарантом существования Южной Осетии, которому постоянно угрожает авантюризм Тбилиси.

В оформлении обложки использована картина Залины Хадарцевой «Весь мир – мой храм...»

This detailed book by Mark Bliev immerse the reader into is history starting with the remotest times and includes the account of the age-old attempts on the part of the Georgian lords to strip the Ossetians of their will and land, while the actions of the Russian governors in Caucasus have been marked with extreme inconsistency. Only Nikolas I seem to have understood the situation better that others opposing the wide scope of punitive measures against the Ossetians. North Ossetia lived by the laws of Russian Empire while South Ossetia practically remained under the authority of the Georgian oppressors. Stalin continued with this tradition moving the borders with Georgia so that it gained control of the entire Voenno-Gruzinskaya road. It is especially valuable to have the opportunity to trace the attempts on behalf of the new Georgia to expel the Osetians from their back yard. First of all, in 1990 Georgia denied South Ossetia the right of independent existence. The Sochi accords that belong to the times when Shevargnadze was playing with Eltsin resulted in Russia becoming the only sponsor of South Ossetia's existance, which is constantly being challenged by the adventurism of Tbilisi.

Содержание

Введение	4
Часть I	9
О древних обитателях, племенах и государственных образованиях Закавказья (общие замечания)	9
От «Гурджистанского валийства» – к созданию страны «Грузии»	19
Подъем «импортной» модели грузинского феодализма: экспансия в Осетии	24
Восстание в Кахетии: указ Александра I по Южной Осетии	31
Отмена указа Александра I	36
А.П. Ермолов: политика в Грузии и Южной Осетии	40
«Разбойный феодализм». «Разбойное дворянство»	49
От Ермолова к Паскевичу	53
Новые планы Петербурга	56
«Осетины живут бедно... но мало повинуются» князьям	59
Забыв слово «война», приступили к созданию империи	61
Объяснения графа Паскевича	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Марк Блиев

Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений.

Введение

С тех пор как современная Грузия встала на путь создания независимой государственности и перед ней возникли проблемы территориальной целостности, заметно повысился интерес к российско-грузинским отношениям и, в контексте этих отношений, к теме традиционного осетино-грузинского взаимодействия. Пытаясь хотя бы частично удовлетворить читательские запросы, автор публикуемой монографии взялся за освещение исторических аспектов этой темы, во многом объясняющих суть современных политических процессов. Вместе с тем ставится задача раскрыть социальную природу периодически и устойчиво повторяющихся как российско-грузинских, так и осетино-грузинских противоречий. Исходную фундаментальную сторону исследования автор видел в строгом следовании фактическому материалу и той хронологической последовательности, в которой состоялись исторические факты и события. Сюжет и концепция монографии формировались на основе базовых явлений, выстраивавших канву целостного исторического процесса. В лапидарном и схематическом изложении они сводятся к следующему.

В истории взаимодействия России и Кавказа особое место занимают длительные и тесные российско-грузинские взаимоотношения. Главным и, пожалуй, самым необычным в этих отношениях политическим течением явились усилия России, направленные на создание из двух небольших и малоприметных княжеств – Картли-Кахетинского и Имеретинского – новой на Кавказе страны с русской номинацией «Грузия»; ранее указанные княжества представляли собой владения соседних государств – Картли-Кахетинское княжество принадлежало Персии, Имеретинское – Османской империи. Присоединение их к России заведомо обрекало Петербург на то, что два княжества, расположенные в Закавказье, оторванные от российских границ Главным Кавказским хребтом и не сулившие сколько-нибудь существенных выгод, станут причиной длительных и кровопролитных войн. Несмотря на это, Петербург принялся не просто избавлять грузин от многовекового господства соседних государств и крайних форм геноцида, но еще брал на себя «восстановление» Иверии в ее «древних границах». Трудно было объяснить мотивы, послужившие поводом для таких необоснованных обязательств, потому что ни у древней Иверии, ни у Грузинского государства, созданного царицей Тамарой и ее осетинским мужем Давидом-Сосланом, попросту не было сколько-нибудь очерченных политико-административных границ. Логичнее было ожидать от Петербурга объединения этнически родственных Картли-Кахетинского и Имеретинского княжеств – того, о чем мечтал Ираклий II, думая об освобождении грузин от иностранного ига. Но идея «восстановления» «древних границ» Иверии явно подразумевала нечто более масштабное – и включала не только географическое пространство на Кавказе. Замысел о границах вряд ли исходил от Петербурга – не ставила же Россия, присоединяя Армению, задачу возрождения ее в границах Урарту. Видение Грузии в гипотетических территориальных масштабах древней Иверии скорее всего было связано с политическими запросами грузинской знати, в свое время формировавшейся на идеологических установках экспансионистской феодальной Персии. Наш посыл основан не только на традициях. Тайну об этих границах, до которых грузинские тавады – бывшие персидские валии желали расширить зону своих феодальных притязаний, приоткрыл грузинский князь Цицианов –

один из первых российских главнокомандующих на Кавказе. Он считал, что в прежние времена «Гуржистанское валийство – так в Персии называли грузинские княжества – простиралось от Дербента, что на Каспийском море, до Абхазетии, что на Черном море, и поперек от Кавказских гор до Куры и Аракс», т. е. до границ Персии и Турции. Несмотря на то, что заявление князя Цицианова носило характер ретроспективы, нет сомнения – оно обнажало планы, возникавшие у грузинской знати в связи с созданием Россией единой страны для грузин. Собственно, грузинский князь Цицианов, обрисовавший карту «древней Грузии» в гипертрофированном виде, был первым, кто практически приступил к расширению границ – например, присоединил в 1805 году к Грузии Шурагельское султанство, ранее зависимое от хана Еревана. У Цицианова была короткая жизнь, но его идея воссоздания «великой Грузии», исходившая от грузинской феодальной знати, имела настойчивую поддержку у абсолютного большинства российских главнокомандующих и наместников на Кавказе. Дискреционность такой политики заключалась в том, что она не соотносилась, как правило, с образом действий, избранным тавадской знатью в отношениях с Россией. Впрочем, в истории российско-грузинского взаимодействия не было периода, когда бы грузинская политическая элита – широко декларируя гуманистические ценности дружбы, военного союзничества и православно-родства – не фрондировала, не состояла в заговоре и не предавала интересов России. Негативные проявления такой политической амплитуды обычно выливались в тавадскую фанаберию, часто переходившую к формам ксенофобии и русофобии.

После присоединения грузинских княжеств к России на протяжении всего XIX и начала XX века социальная основа российско-грузинских противоречий состояла главным образом в существенных различиях, сложившихся в феодальном общественно-экономическом укладе: грузинская модель феодализма, с XVI века трансформировавшаяся в «разбойную» социальную систему сефевидской шиитской Персии – в сеньорию без домена, принципиально расходилась с российским феодализмом, основанным на европейском принципе – сеньория с доменом. Серьезное несходство двух феодальных систем приводило местную тавадскую знать не только к противостоянию российским властям, но и к выработке в среде этой знати своеобразной идеологической традиции с неизменными чертами русофобии. Отдаляясь таким образом от российских интересов на Кавказе и концентрируясь только на собственных утилитаристских выгодах, грузинская феодальная знать вступала с российской администрацией в неразрешимое противостояние. Что же до российских властей, расположившихся в Тифлисе, в центре Грузии, то под давлением постоянно фрондировавшей местной знати они были обречены идти на поводу у грузинских тавадов и, желая умерить их социальную экспансивность, предоставлять им различного рода привилегии. Среди последних важное значение придавалось ориентации грузинского общества на территориальное расширение и связанные с этим вооруженные захваты.

В эту весьма сложную сферу российско-грузинских отношений, начиная с присоединения грузинских княжеств к России, были втянуты южные районы Осетии, получившие у российской администрации политико-географическое название «Южная Осетия»; такое наименование югоосетинских обществ вполне идентифицировалось с принятым в осетинском языке – «Хуссар Ирыстон». В условиях противоречивых российско-грузинских отношений Южная Осетия постепенно становилась политическим полем, где российские власти пытались разрешить непомерные владельческие притязания грузинских тавадов. Именно здесь, в Южной Осетии, больше, чем в самой Грузии, грузинские феодалы при поддержке российских воинских сил имели наибольший простор для широкого применения ими деспотических методов угнетения, в свое время укоренившихся в грузинском обществе благодаря господству шахской Персии. Ранее югоосетинские общества, граничившие с «Гурджистанским валийством», также периодически попадали под влияние грузинского феодализма, оказывая его распространению упорное сопротивление; Южная Осетия сохраняла свою незави-

симость вплоть до 1864 года, до крестьянской реформы в Грузии. В пореформенный период она была подвергнута со стороны грузинской знати тотальной экспансии, вызвавшей в осетинских обществах национально-освободительное движение. Расправляясь с вооруженным движением сопротивления осетинского народа, российские власти в угоду грузинской знати приступили к частичной депортации южных осетин на Северный Кавказ, в частности в районы Ставропольской губернии. По примеру черкесов, накануне подвергшихся депортации, российские власти угрожали начать массовое выселение южных осетин из их исторической родины. Российское командование совместно с грузинскими войсками подавило освободительное движение осетинского крестьянства. В югоосетинских обществах, за исключением высокогорных районов, возобладало господство грузинской знати.

Безотчетное российское покровительство над тавадской знатью способствовало созданию в грузинском обществе особого «аристократического» слоя, в своем большинстве состоявшего из грузинских феодальных кланов. Неустанно пестуя его, Петербург не заметил, как вместо социальной опоры, на кою он рассчитывал, сформировал в Грузии политическую силу, для которой приоритетной становился отказ от российского покровительства и установление в грузинском обществе своего безраздельного господства. В начале XX века грузинская элита, добившись немалых экономических преимуществ, консолидировала свои консервативные ряды и вновь усилила центробежные тенденции, приводившие ее к обострению российско-грузинских отношений. Этот набиравший силу общественный процесс в грузинской историографии принято рассматривать как «национально-освободительное движение». Его социальная природа, однако, обнажилась окончательно в условиях Первой мировой войны и революционных потрясений 1917–1920 годов. В эти годы грузинская знать явно уже не нуждалась в ослабленной России, ранее считавшейся «освободителем Грузии». Прикрываясь демократическими лозунгами, она совершила своеобразную «феодалную революцию» – вышла из состава России и создала «Республику Грузию» во главе с теми же тавадскими консервативными кругами. Хорошо понимая социальную суть новой власти, утвердившейся в Грузии, Южная Осетия, еще во второй половине XIX века отданная на произвол грузинским феодалам, объявила в свою очередь о политической независимости и обратилась с просьбой о принятии ее в состав Советской России. Это было время, когда Грузия, противостоя Россия и готовясь к войне с ней, установила военно-союзнические отношения с Турцией, Германией, Францией и США. При этом новая российская власть, признавая Грузию как суверенное государство, не давала поводов грузинскому правительству к разрыву в отношении России конфронтационной политики. Несмотря на это, Грузия готова была вступить в сговор с любым государством, лишь бы подчеркнуть свое противостояние России. Причиной тому являлись два наиболее важных момента: а) сохранившаяся социальная разнородность российского и грузинского обществ, а также сформировавшаяся на этой почве в Грузии идеология русофобии; б) политическая разнотипность установившейся в России Советской власти и профеодалного режима, созданного с 1918 года в Грузии. Гетерогенность двух социальных систем, исторически сложившихся, с одной стороны, в России, с другой – в Грузии, особенно давала о себе знать в переходные периоды экономической и политической истории двух разновеликих стран. Отстаивая свой собственный национально-социальный облик, грузинская элита обнажала свойственные ей восточно-деспотические изощренные методы политической борьбы и принималась за милитаризацию страны. Начиная с 1918 года Республика Грузия приступила к созданию регулярных войск, оснащению их западными образцами оружия – и вскоре напала на Южную Осетию. В войне с Южной Осетией Грузия продемонстрировала прежде всего свое полное отречение от всего российского и готовность к вооруженному противостоянию с Советской Россией. Одновременно она проявила приверженность к восточным формам насилия, посредством которых осуществляла физическую расправу над осетинским народом; по методам орга-

низации вооруженной агрессии в Южной Осетии, по ее глубокой бесчеловечности Грузия целиком повторяла сценарии геноцида, проводившегося в 1915 году турецким правительством в отношении армянского народа.

Агрессивные внешнеполитические ориентиры грузинских властей, концентрация на территории Грузии воинских сил враждебных России государств, а также развернувшееся в ней большевистское движение явились основными причинами ввода в Грузию Красной армии и свержения антинародного политического режима Н. Жордания. Несмотря на кардинальные перемены, происшедшие с установлением Советской власти в политическом устройстве Грузии, грузинское общество жестко отстаивало привычные для него социальные установки. Среди них особенно заметной оставалась неизменная тяга властвовавшей элиты к восточным тоталитарным формам организации государственной жизни. В этом ключе немалый интерес у этой элиты вызывала Советская власть с ее открытой идеологией диктатуры; у политических сил Грузии была своя собственная трактовка как Советской власти, так и сути ее диктатуры. В частности в рамках именно такой трактовки Иосиф Сталин и Григорий Орджоникидзе, наиболее известные грузинские большевики, стремились Советскую республику Грузию сконструировать по классической имперской модели. Не считаясь с волей соседних с Грузией народов, грузинские большевики, занимавшие в Советской России ключевые позиции, присоединили к Грузинской республике Абхазию, Аджарию и Южную Осетию, удовлетворив тем самым шовинистические амбиции политических сил, возникших в Грузии еще в XIX веке. В составе Советской Грузии Южная Осетия, еще недавно переживавшая грузинский геноцид, попала в условия перманентной экстраполяции на нее идеологической системы ксенофобии, инициировавшей жестокую расправу над осетинским народом. Заранее она была обречена на статус колониальной окраины Грузии и тяжелые формы дискриминации. В результате в бывшем СССР Южная Осетия стала единственным районом, где демографические процессы имели неуклонную тенденцию к сокращению численности населения: если в 60-е годы XIX века население Южной Осетии составляло около 150 тысяч, то в 30-е годы XX века оно исчислялось в 107 тысяч, в 1989 году – 96 тысяч, после 1992 года – менее 50 тысяч. Вопреки известности этих данных, в 80-е годы XX века представители грузинской мизантропии открыто и не колеблясь обсуждали нацистскую идею стерилизации осетин в Грузии. Нужен ли более яркий симптом того, сколь тяжело больным становилось грузинское общество, вступившее в полосу фашизации?! Общий фон болезни обозначился еще в середине 60-х годов XX века и определялся социальной сущностью теневой экономики, в сфере которой Грузия числилась среди самых преуспевающих союзных республик. К основным последствиям указанной экономики в Грузии следует отнести максимальное (до 17%) сокращение числа лиц, занятых «законным производством»; образование значительного слоя мелких хозяев; формирование так называемой коррумпированной знати, или иначе – рентной экономики в системе партийно-государственного управления; накопление крупного теневого капитала, все еще остававшегося в тисках отживших свое время политико-идеологических догм и приводившего к развалу государственного сектора экономики и обнищанию масс. Процессы в экономике, социальной жизни, устойчивые традиции неонацизма, шовинизма и ксенофобии спонтанно толкали грузинское общество к националистическим идеям, в том числе к их крайней форме – нацизму. Такое общество, как грузинское конца 80-х годов, обычно ориентировано на поиски «внешних врагов». К ним идеологи национал-социализма отнесли Россию, Абхазию и Южную Осетию, обвинявших в «привнесении» в Грузию большевизма и Советской власти. В подобного рода абсурдных обвинениях важное место занимало утверждение о том, будто Южная Осетия – «внутренняя территория» Грузии, в новое и новейшее время якобы заселенная осетинским населением. Во имя освобождения «своей исконной территории» грузинский экстремизм вновь объявил геноцид осетинскому народу и подверг его тяжелым испытаниям.

Приведенные выше положения определяют общий контекст, которым задана содержательная архитектура монографии, предлагаемой нами вниманию читателя. В ней приводятся достаточно подробные сведения об осетино-грузинских политических контактах с древнейших времен и до новейшей эпохи. Одновременно подвергнут описанию и анализу оригинальный исторический материал, раскрывающий сложные процессы российско-грузинских отношений и исторические судьбы Южной Осетии в системе этих отношений. При этом в интересах научной объективности автору пришлось отказаться от идеологизированной исторической традиции, при которой в освещении российско-грузинских отношений и осетино-грузинских взаимодействий приоритет отдавали идиллическим картинам и избегали научных оценок сложных и порой противоречивых процессов, требовавших от исследователя как реконструкции исторических реалий, так и их системного анализа. Изменив таким образом методологию предмета, коему посвящена монография, предпочтение было отдано архивным документам. Наряду с изысканиями в Российском государственном военно-историческом архиве автор широко привлекает опубликованные документы из следующих изданий: «Акты Кавказской археографической комиссии», «История Осетии в документах и материалах» (т. I, 1962), «История Юго-Осетии в документах и материалах» (т. II, 1960; т. III, 1961), «Документы по истории Грузии» (т. I, ч. I, 1954; ч. II, 1960), «Революционное движение в Юго-Осетии. Документы и материалы» (1958), «Борьба трудящихся Юго-Осетии за Советскую власть» (1957). Большинство исторических источников, опубликованных по Южной Осетии, – извлечения видного осетинского археографа и источниковеда И.Н. Цховребова, сделанные им главным образом в Центральном государственном архиве Грузии. По событиям и фактам новейшего времени – 1989–1992 годов – в нашем распоряжении был сборник документов и материалов «Грузино-осетинский конфликт», подготовленный к изданию К.К. Кочиевым и любезно предоставленный составителем в рукописи. Автор стремился также к максимальному привлечению литературы, посвященной общим проблемам российско-грузинских, российско-осетинских и осетино-грузинских отношений; что же до специальных исследований, которые бы изучали тему в обозначенном нами аспекте, то пока их просто нет. Источниковедческие и историографические замечания вынесены из введения в основной текст монографии. Стоит отметить также, что из-за политической остроты темы, нестабильности обстановки и распространенности экстремизма в Республике Грузии автор, опасаясь за сохранность ценнейших грузинских документов, воздержался от подстрочных ссылок на источники; вместо них приведен библиографический список источников и литературы, на основе которых исследовалась проблема. И последнее: из соображений толерантности при описании фактов насилия, жестокостей, широко применявшихся грузинскими тавадами и политической элитой в отношении населения Южной Осетии, автор избегал подробностей и лишь в редких случаях приводил примеры подобной мизантропии, представляющей собой наследие, доставшееся Грузии от шахской Персии.

Техническую подготовку текста монографии к изданию выполнила В.В. Саутиева, за что автор приносит ей искреннюю благодарность.

Марк Блиев, июнь 2005 года

Часть I

Генезис социально-исторических коллизий в процессах взаимодействия России, Грузии и Осетии

О древних обитателях, племенах и государственных образованиях Закавказья (общие замечания)

На всем постсоветском пространстве современный филистер и высокий чиновник, несмотря на социальную отдаленность друг от друга, имеют одну общую особенность – оба они, занятые повседневностью, равнодушны к тяжелым, но правдивым страницам истории. Они предпочитают питаться мифами, на злобу дня подбрасываемыми сообществом невежественных сочинителей. Падки на вымыслы также СМИ, особенно электронные – любители острых сюжетов. Недавно, в разгар обострившейся в Южной Осетии политической ситуации, журналист Центрального телевидения, ссылаясь на «грузинские источники», сообщил, что «осетины поселились в Грузии» в советское время. В такое не поверит даже грузинский обыватель, однако он, как и его вполне образованные руководители – бывший президент Грузии Звиад Гамсахурдия и его идейный наследник Михаил Саакашвили, уверен, что где-то в XVI или XVIII веке осетины пришли в Закавказье и захватили центральную часть территории Грузии. При наборе самых разных версий по поводу «происхождения осетин» в Закавказье неизменен вписанный красной строкой тезис об обязательном исправлении «исторической аномалии» и возвращении грузинам их «родины», которая, как известно, им «досталась от Бога». Неважно когда, но в том, что осетины вторглись или же мигрировали за Кавказский хребет, грузинская историография убедила не только российско-грузинское просвещенное сообщество, но и самих осетин – особенно ту их часть, которая свое прошлое начинает с 1917 года. Банальная мысль: миграция народов (великих и малых) – одна из главных примет мировой истории. В новой истории самым варварским и масштабным переселением европейцев явилась колонизация Америки; по сей день местные аборигены довольствуются тем, что им даруют жизнь в специально отведенных для них резервациях. Немыслимо, чтобы подобный исторический сценарий произошел на Кавказе, где каждый народ «автохтонен», т. е. исконен, и независимо от численности относит себя к «великим». В этом соревновательном занятии грузинские историки превзошли всех. Здесь дело доходит до таких открытий, как теория о том, например, что пшеница, плохо произрастающая в Грузии, «впервые» была выращена именно в Грузии, то же самое с виноградом. В сущности, для современной политической жизни ровным счетом ничего не значит, кто на Кавказе исконный, а кто пришлый. С точки зрения исторической науки, все народы, населяющие современный Кавказ, как правило, пришлые – одни пришли раньше, другие позже. Никто, кажется, не сомневается в том, что осетины – индоевропейского происхождения и вместе с армянами населяли Арийский ареал. Это такая же истина, как и то, что на Кавказе индоевропейские племена, которые следует рассматривать как наиболее близких предков современных осетин, создали самобытную Кобанскую культуру, датируемую XVI-IX веками до нашей эры. В советское время археолог Баграт Техов на территории Южной Осетии извлек и исследовал богатейшую коллекцию Кобанской культуры – в ней более пяти тысяч единиц хранения. Стало очевидным – создателями этой культуры, отличающейся жестким единством стиля и технологии производства, были племена одной и той же духовной, хозяйственной и социальной организации

общества. Кому в Южной Осетии принадлежала Кобанская культура, кто были ее носители, в свете современных достижений науки не должно больше вызывать споров. Грузинские историки пока не претендуют на «кобанцев», потому, очевидно, что их слишком много не только в Закавказье, но и на Северном Кавказе.

К чести грузинских ученых, они признают, что Кобанская культура сложилась раньше Колхидской и что последняя развивалась преимущественно под влиянием «кобанцев». Есть еще одно важное признание грузинской историографии: перечисляя древние очаги цивилизации на территории Советской Грузии, куда входила Южная Осетия, среди других не забывалось также «Кударо». Правда, как правило, не принято указывать, что «Кударо» – часть исторической территории древнейшей Осетии, жителей которой во все времена называли «кударцами». Однако надеемся, что даже в наше смутное время, когда невежество господствует над просвещенностью, грузины не станут в ущерб собственным историческим племенным наименованиям «отбирать» у осетин кударцев, на территории которых представлены все исторические эпохи Южной Осетии.

Период перехода от бронзового к железному веку совпал с формированием крупного союза скифских племен индоевропейской расы. Не стоит видеть этнических различий между скифами и кобанцами. В последнюю четверть века нашим Институтом истории и археологии накоплена бесценная коллекция археологических предметов (более 200 тыс. единиц хранения), позволившая по-новому представить многие проблемы истории народов Кавказа. В частности, полученные нами данные не оставляют сомнения в том, что носителей Кобанской культуры и иранцев-скифов следует рассматривать в их племенном этническом единстве. Об этом историческом факте свидетельствует хорошо прослеживаемая трансформация кобанской культурной традиции в скифском мире и дальнейшее развитие этой традиции. О распространенности индоевропейцев-скифов, к которым восходили овсы (осетины) на территориях, позже ставших традиционно грузинскими, свидетельствовал Давид Багратиони в своей «Истории Грузии». В частности, он писал, что «река Алазани приняла свое имя во время... скифов..., ибо сия река называлась прежде Абанта, но когда алазанские скифы там поселились, то называли оную Алазанью». Затрагивая вопрос о происхождении грузин и осетин, Давид Багратиони не случайно в их этногенезе находил сходство. Он так же живо описывал господство скифов в «Верхней Азии, Мидии, Иверии и Колхиде». По Давиду Багратиони, скифы явились освободителями Иверии от персидского царя Дария. Процесс культурной преемственности между индоевропейскими племенами наблюдается и в сарматскую эпоху; сарматы были привержены достижениям своих предшественников, что также подчеркивало их этническую идентичность с кобанцами и скифами. В этом отношении среди наших археологических коллекций – полный набор конской сбруи сарматского времени, уникальные украшения которой, выполненные из золота и серебра, воспроизводят звериный стиль кобанцев. На территории Южной Осетии широко представлена не только Кобанская культура, но и последующие археологические эпохи, связанные с этническим господством индоевропейцев в Закавказье. Грузинская академическая наука достигла достаточно высокого уровня. В отличие от политико-экстремистской литературы она, естественно, не ставит вопроса о том, кто раньше или кто позже занимал территорию современной Грузии. Представителям академической науки хорошо известно о господстве в древности в Закавказье скифского мира, из которого происходят осетины, в том числе южные. В связи с этим следует упомянуть работы лауреата Ленинской премии Г.А. Меликишвили (К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959) и М.С. Пирцхалавы (Памятники скифской архаики VII-VI в. до н. э. на территории древней Грузии. Тбилиси, 1972). Для ученых этого уровня азбучной истиной является не только отнесение иранского этнического мира к наиболее раннему периоду древней истории Закавказья, но и присутствие в регионе двух совершенно разных культурно-исторических пластов – индоевропейского (осетинского) и ибероколхского (грузинского).

Впрочем, задолго до становления профессиональной исторической науки хорошо было известно в Грузии и России о происхождении осетин в Закавказье. Так, в 1865 году для официальных властей Тифлиса был составлен «Краткий исторический обзор Горийского уезда», куда в XIX веке входила большая часть современной Южной Осетии. В нем население уезда делилось на две группы – на «коренных» и «пришельцев». К первым, коренным, были отнесены грузины, осетины и «армяно-григориане». В том же обзоре было подчеркнуто, что осетины, как наиболее древние поселенцы Закавказья, ранее входили в Мидийское ираноязычное царство, образовавшееся в северо-западных областях Иранского нагорья. Неизвестный автор исторического обзора, ссылаясь на древнегреческого историка Диодора Сицилийского (90–21 гг. до н. э.), указывал, что «осы, или осетины», жившие «к востоку от Армении и Персидского залива», «происходят от мидян-иранцев» и поселились на территории собственно Закавказья, и в частности Южной Осетии, «за V веков до Рождества Христова».

К IV веку до н. э., ко временам Александра Македонского, грузинские хроники, созданные значительно позже, относят начало военно-политического сотрудничества между древней Осетией и Грузией. Осетины, точнее их скифо-сарматские предки, принимали участие в организации крупного осетино-грузинского племенного союза, имевшего уже ранние формы государственности. Он был создан на территории современной Восточной Грузии и Южной Осетии под названием «Иберия»; Страбон подчеркивал, что большинство жителей Иберии имело скифо-сарматское происхождение. «Иберийское царство» в современной грузинской литературе рассматривается как грузинское, хотя возглавлялось оно, как правило, представителями скифо-сарматской знати. По сведениям Давида Багратиони, приведенным им в «Истории Грузии», скифы в IV веке до нашей эры «овладели Верхнею Азиею, Мидиею, Ибериею и Колхидою и в течении двадцать осьми лет господствовали в оных странах». Из скифской среды происходил Фарнаваз – основатель Иберийского «государства». По сообщению Леонтия Мровели, Фарнаваз объединился с «Куджи и сказал: Будем братьями... будем врагами Эристову Азону, и судьба даст нам славную победу». В очерке «Даут-Сослан» Сека Гадиев уточнил, что «Куджи», «Кудзи», был «иры падзах», т. е. царь осетин, за которого Фарнаваз выдал свою сестру замуж. Леонтий Мровели в своей хронике писал, что «Куджи», по-осетински «Кудзи», «обратился... к осетинам, и собирались все они» и благодаря этому Фарнаваз победил Азона, которого, по мысли Сека Гадиева, ранее во главе грузин поставил Александр Македонский. Сын Фарнаваза – Саурмаг, наследовавший «царский трон» своего отца, также опирался на осетинскую часть населения Иберии; грузинские хроники свидетельствуют: когда Саурмаг был отлучен грузинами от престола, он «бежал к оссам», т. е. осетинам, с помощью которых ему удалось вернуть трон отца. Лишь много позже, в III веке н. э., заметно ослабло господство оссов и в Иберии возобладали грузинские политические силы. Они привели к власти Мирвана, принадлежавшего по происхождению к одной из господствовавших в Персии династий. Его принято считать первым «грузинским царем». Однако разобщенность племен, относившихся к колхскому этническому миру, не позволила им ни в Иберийском царстве, ни значительно позже добиться сколько-нибудь устойчивого военно-политического союза. Нередко племена, пришедшие в Закавказье из Малой Азии и ставшие позже основой формирования грузинской народности, возглавлялись соседними правителями или же представителями местной автохтонной знати.

Известно, например, что перед тем, как Вахтанг Горгасал пришел к власти, Иберия находилась под властью оссов – осетин. По описанию Мровели Леонтия, юный Вахтанг, выступая «перед всеми вельможами Картли», заявлял: «И неумогу мне более насмешки овсов (осетин. – М. Б.), но в надежде и уповании на бога и единосущную троицу беспредельную и предваряемые крестом пречистым, данным знаменем и оружием уповающим на него, отомстим овсам. Будь эти беды навязаны нам царем Персии или царем Греции, мы бы

их претерпели. Но тяготит нас поругание овсов, и лучше нам умереть, нежели терпеть». В последних словах Вахтанга видно, что речь идет не о сражении, проигранном грузинами, а о господстве осетин в Иберии. Впрочем, этот факт подтверждается также в «Ответе» спаспета Джуаншера Вахтангу Горгасалу: «С той поры, – говорится в нем, – как попрали нас овсы, мы вот уже пять лет пребываем в великой печали». В описании похода Вахтанга в Осетию Мровели Леонтий сообщает, что грузинский царь «отправил гонца к своему дяде Вараз-Бакуру» и просил его участия в походе. «Тот же с радостью отвечивал, ибо страна его была полонена овсами». Остается добавить, что речь идет о господстве в Иберии закавказских осетин; северокавказские аланы-осетины из-за разделенности их с Иберией Главным Кавказским хребтом не могли бы столь длительное время удерживать свое господство. Собственно само сражение между Вахтангом Горгасалом и «овсом Бакатаром», т. е. Ос-Бакатаром, считающимся родоначальником осетин, произошло в Южной Осетии – там, где «с одной горы берут начало Арагви Картлийская и Арагви Овсетская». После военных успехов картлийского царя Вахтанга I Горгасала во второй половине V века н. э. в начале VI века территория современной Грузии стала персидской провинцией. В 60-е годы VI века здесь возобладало господство Византии. И. Бларамберг, автор первой половины XIX века, основываясь на грузинских хрониках, писал о том, как «около 570 года Юстиниан I, император Византии, возвел на грузинский трон Стефана, а одного осетина по имени Ростов (Рустам из рода Сидамоновых. – М. Б.) назначил кснис-эристави, т. е. управителем местности, называемой Ксани и Грузия»; Рустаму «была дана особая печать и почетное платье». Вплоть до XI века территория современной Грузии находилась под властью Византии, Персии и арабских завоевателей. Созданная в XI веке государственность своего расцвета достигла при царице Тамаре (конец XII – начало XIII в.). Государство царицы Тамары грузинские историки, как правило, рассматривают вне контекста участия осетин в его расширении и укреплении. К числу тех редких авторов, кто упомянул второго мужа царицы – осетина Давида-Сослана, был Давид Багратиони, превосходно знавший генеалогию династии Багратионов. Между тем грузинские хроники и осетинские предания эту тему отразили особо. На их основе наиболее полно происхождение царицы Тамары, роль ее мужа Давида-Сослана в становлении грузинской феодальной государственности осветил Сека Гадиев – классик осетинской литературы, великолепно владевший историческим материалом. По его данным, мать царицы Тамары была дочерью осетинского феодала (алдара) Кудена (Хъудены чызг) Бурдухан, популярной «во всей Грузии». Осетинский писатель, сообщая об этом, опирался на «Историю и восхваление венценосцев» неизвестного грузинского автора, в которых содержались сведения о том, что царь Георгий, отец Тамары, привел «в жены дочь царя Худина» (по Сека Гадиеву – «Кудена»). В грузинской хронике Бурдухан описывается как «солнцем над солнцем по красоте». Другой историк царицы Тамары – Басил Эзосмодзгвари (XIII век) фактически повторяет характеристику Бурдухан: «...дочь осетинского царя, которая превзошла доброту других женщин во всем, и не только тем, что она была матерью Тамары, но и тем, что подобной ей невесты не видело грузинское общество». Согласно грузинским хроникам, когда царица Тамара рассталась с первым мужем, стал решаться вопрос о ее новом замужестве. В связи с этим «приехали осетинские царевичи, прекрасные на вид юноши. Надеясь на свое молодчество, они просили и молили Бога дать им возможность совершить нечто такое, чем можно было бы обратить внимание царицы и добиться высочайшего счастья». Хроника сообщает также, что руки царицы Тамары добивались «витязи – сыны властителей греческих, римских, султанских, скифских, персидских и осских». Но «намерения их остались тщетными», царица обратила свое внимание на Давида-Сослана – «витязя из сынов Ефрема, то есть оссов (осетин. – М. Б.), мужей могущественных и сильных в боях». Первое, с чем столкнулся Давид-Сослан, это сопротивление части грузинской знати, пытавшейся вернуть на престол первого мужа Тамары. Вооруженный мятеж, затеянный знатью,

был подавлен молодым Давидом-Сосланом с помощью в основном «кавказских горцев» – так часто называли грузинские источники осетин, в том числе южных; понятно, что Давида-Сослана, сына «осетинского царя», могли поддержать в первую очередь осетины. Военские успехи Давида-Сослана принесли «мировую славу» царице Тамаре. Вскоре у них родился сын Георгий. По словам автора хроники, «сели на златокованом троне Тамара, Давид и сын их Георгий». Среди правительственных вельмож, а также в войсках широко были представлены в государстве царицы Тамары осетины. Во время аудиенции, устроенной царицей и ее мужем Давидом владетелю Ширвана с делегацией, первыми их встретили «осетины и кипчаки новые», после них «геретцы и кахетинцы, затем картлийцы...» Одним из важнейших достижений царицы Тамары являлось расширение территории грузинской феодальной государственности. В этом главная роль принадлежала царю Давиду-Сослану. Грузинские хроники в один голос подчеркивают полководческий талант осетинского витязя, приносившего царице одну победу за другой. На войне, по словам авторов хроник, «царь действовал, как Ахиллес». Приведем лишь один пассаж из «жизни царицы царей Тамары» – хроники XII века, в которой главным действующим лицом является Давид-Сослан, создавший крупнейшее в Закавказье грузинское царство: «В ознаменование победы над врагом Ширван-шах и Амир-Мирман с радостными лицами сошли с коней, поклонились, благословили и восхваляли царя (Давида-Сослана. – М. Б.) и его богатырей. Как рассвело, пришли шанхорцы и поднесли ключи от города: взяв Шанхор и окрестные города и крепости, царь пожаловал их Амир-Мирману. Сам же отправился в Ганджу, близко подошел к городу; навстречу вышли высокопоставленные лица и крупные торговцы, духовенство и законоучители. Преклонив колена, они поклонились Давиду и воздали ему хвалу, со слезами на глазах они просили его и вверили ему себя и до самых дверей султанского двора расстилали ему драгоценные ткани и осыпали его золотом и серебром, драхмой и динарием. Войдя во дворец, он сел на трон султана... Чей язык в состоянии описать тогдашнее торжество и ликование, или какой разум может понять объединение в лице одного человека чести царя и султана, подчинение себе, в качестве вассала, сына Атабага Ширван-шаха». Подобное шествие царя Давида-Сослана, сына «осетинского царя», по сравнительно небольшим владениям, привело к тому, что царица Тамара стала владельницей большей части Закавказья. Сека Гадиев, описав жизнь и походы Давида-Сослана, фактически создавшего воинством самих же осетин крупное государство, сетовал, что свой талант и усилия Давид-Сослан отдал Грузии, возвысил ее над Осетией, хотя мог свою собственную родину – Осетию «поставить» если не выше, то хотя бы в один ранг с нею.

В XIII веке, после смерти Давида-Сослана и Тамары, оставивших двух сыновей и одну дочь, грузинское феодальное государство обнаружило признаки распада. Тогда же подверглось оно нашествию татаро-монголов. В условиях разоренной монголами экономики Закавказья грузинские источники средневековья впервые сообщают нам о враждебных отношениях, складывавшихся между грузинскими землями и Южной Осетией. В сочинении анонимного автора XVI века сообщается, что грузинский правитель Давид VIII и «правитель осетин Пареджан» имели тесную дружбу, вместе ходили в походы против монголов. Естественно, речь могла идти о союзнических отношениях между Закавказской частью Осетии и древним государством грузин. Тот же источник сообщает, что, несмотря на союзнические отношения между Давидом VIII и правителем Осетии, «грузины и осетины имели между собой вражду: они были натравлены друг на друга так, что кто был сильнее, убивал другого». Явно было, что политическая раздробленность, наступившая в грузинском царстве и в Осетии, а также татаро-монгольское господство привели к постоянной междоусобице.

В XV веке Грузия представляла собой три небольших княжества – Картлинское, Кахетинское и Имеретинское, каждое из которых было независимо друг от друга. Так же автономно существовали Осетия, занимавшая территорию северного и южного склонов Кав-

казского хребта, Абхазия, Мегрелия и Гурия. В начале XVI века грузинские княжества – Картлийское и Кахетинское вошли в состав Персидского государства, Имеретинское княжество – в состав Османской империи. С этого времени в Восточной Грузии, ставшей персидской провинцией, началось утверждение «персидской модели» феодализма, характерной особенностью которой являлась идеология восточного деспотизма.

Суть ее заключалась в установлении в грузинских феодальных княжествах, подпавших под власть персов-шиитов, кызылбашей, т. е. «красноголовых», новых форм земельных и административных отношений. В абсолютном большинстве районов Грузии, куда доходила шахская рука, отменялась система сююргаля, ранее традиционная для грузинского феодализма; при этой системе, по существу европейской, феодал имел вотчину и выступал как собственник земли. При персидских Сефевидях главным собственником земли становился шах, а грузинские тавады, в том числе «цари», являлись валиями шаха, получавшими земли, владения и титулы от шаха. И титул, и владение землей имели пожизненный характер, но никак не наследственный. Эта система, собственно, становилась основой, на которой зиждилось крайне деспотическое господство персов в грузинских феодальных княжествах. В целом они меняли не только социальную систему, но и базисные духовные ценности грузинского общества, основанные на православной религии. Чтобы представить политическую картину, изменившуюся в грузинских княжествах при господстве Сефевидов, приведем описание Давида Багратиони. Шах-Аббас – один из наиболее ярких представителей сефевидского Ирана (конец XVI – начало XVII в.) «велел умертвить ядом Картлинского царя Георгия... Кахетинский царь Александр сделался жертвою тиранских насилий сего персидского владетеля. Взятый заложником сын его Константин, находясь в Персии, принял магометанский закон. Шах Аббас позволил ему возвратиться в отечество, обещав поставить его царем в Кахетии, если он убьет отца своего, царя Александра. Константин, возвратясь в Иверию, дерзнул совершить сие ужасное злодеяние. Убив своего отца и брата своего Георгия, он присвоил себе царскую власть над кахетинцами». Но Константину не дали местные «вельможи» и народ княжить – «убийца был истреблен тем мечом», которым он расправился с отцом и братом. «Вельможи и народ вручили царство Кетеване, вдовствовавшей супруге Давида». Но подобные назначения, соответствовавшие желаниям грузинских тавадов и народа, противоречили персидской системе получения титула валия. Шах Аббас пригласил Кетевану и «предложил ей принять магометанство, обещая новые выгоды». Но княжна отказалась принять ислам, и «тиран, в ярости своей, „велел“ ее „предать мучениям“. Царица Кетевана была обнаженная привязана к столбу, по частям резали ее тело...» Так поступали каждый раз шахи, если грузинские «цари-валии» не подчинялись новой, персидской системе господства и подчинения. Мы еще не раз вернемся к этой теме, здесь же укажем на другое – на то, что в советской грузинской историографии борьба грузинских княжеств с персидским господством традиционно рассматривалась в героико-романтическом духе. На самом деле в ней, в этой борьбе, прежде всего следовало видеть жесткое столкновение двух разных форм феодализма – «старой» грузинской, освященной православием, и персидской, основанной на идеологических установках шиитского толка. Несомненно, что столетиями господство кызылбашей – главным образом в Восточной и Центральной Грузии – приводило к перестройке социальной системы грузинского общества, и это, пожалуй, явилось самым тяжелым для Грузии и соседних с ней народов последствием. Грузинские хроники XVI, XVII и XVIII веков полны военно-феодальной междоусобицы, борьбы за «владения», повинности, пленных людей, скот и прочую военную добычу. Важной статьей этой междоусобицы являлось получение титула валия или моурава. Кстати, заметим, что система дарения шахом титулов во многом изменила форму административного управления. По данным Ш.А. Месхиа, Телави – центр Кахетии, входил «в управление кахетско-кизакского моурави», но «назначаемые в Телави моурави всегда назывались персидским таруга», ставшим синонимом «гру-

зинскому моурави». Если брать по должности выше, то Георгий Саакадзе, несмотря на противостояние шаху, в грамотах Луарсабы II называется «эмиром эмиров», тем самым отдается дань новой традиции, внедренной персидскими шахами. Иначе говоря, персидская форма управления, как и в других областях общественного устройства, столь глубоко проникла в грузинскую жизнь, что феодальные княжества Грузии, входившие во владения шаха, обретали черты политической системы, господствовавшей в самой Персии. Изогранные формы насилия и жестокости, измены, коварства, вероломности и прочие свойства деспотизма вместе с господством Персии проникали в социальное устройство грузинских княжеств. Первым варварские формы феодальной идеологии проявил Г. Саакадзе. Женатый на осетинке, дочери Нугзара Эристава, Саакадзе благодаря военной поддержке осетин возвысился как моурав, разгромил персидские вооруженные отряды, затем обрушился на осетин, своих верных союзников, и установил в Южной Осетии свое феодальное господство. Вскоре, однако, персидский шах, подавив восстание, в Картлию и Кахетию назначил своих правителей – мусульман. Тогда же Восточная и Центральная Грузия еще больше укрепились в положении вассала Персии, становясь неотъемлемой частью шахского государства: при коронации персидского шаха управитель Картли-Кахетии, присутствие которого было обязательно, должен был держать в руках «павлиннее перо» – символ зависимости от шаха. Это продолжалось вплоть до начала 80-х годов XVIII века, до заключения Георгиевского договора между Россией и Картли-Кахетинским царем Ираклием II. Что касается территории Западной Грузии, то она целиком находилась в подчинении Османской империи. Здесь проводилось насильственное отуречивание местного населения.

На протяжении двух веков в грузинских княжествах окончательно сложились персидские и турецкие формы феодализма. Грузинские феодалы-тавады, как и главы княжеств, сформировались в сословие, одновременно выполнявшее функции опричников и сборщиков налогов. Вассальное положение нового тавадского сословия было столь жестким, что оно было вынуждено целиком заимствовать деспотические нравы, господствовавшие при дворах персидского шаха и турецкого султана. Чтобы представить положение, создавшееся в Грузии, достаточно напомнить о следующих трагических для грузинского народа событиях. В 1795 году персидский шах Ага-Мухаммед-хан, недовольный тем, что Ираклий II не явился на его коронацию и тем выразил свою независимость, подвел войска к Тифлису. Сюда, в Тифлис, шахские войска пригоняли мирное население, которое специальные отряды подвергали геноциду. Так, за несколько дней было уничтожено более 80 тысяч грузин. В Тифлисе к мосту через Куру был выставлен образ Святой Марии. Сюда согнали более трех тысяч мужчин. Обнажив их, шах приказал каждому подходить к образу Святой Марии и имитировать половой акт. Отказывавшихся выполнить волю шаха с отрубленной головой бросали в реку. Массы грузинского населения покидали Грузию. Беженцев вылавливали и тут же с ними расправлялись. Во всем этом вместе с персидскими отрядами участвовали также многие грузинские тавады, демонстрировавшие свою покорность шаху. Грузинская катастрофа 1795 года была столь значительной, что становилось невозможным похоронить погибших – не хватило лопат. В Ананурском монастыре, в полуразрушенной келье, где Ираклий II сидел лицом к стене, чтобы не показывать подданным свой лик, грузинский царь, сравнивая народ со стадом баранов, уничтожаемым стаями голодных волков, писал письма Екатерине II и просил о спасении единой Грузии. Три отряда российских войск (отряды генералов Бурнашева, Гудовича, Сухотнева), находившиеся на Кавказе, и осетинский отряд из 500 воинов пришли на помощь Грузии. В Петербурге было решено срочно снарядить десяти тысячное войско и во главе с В. Зубовым направить в разрушенный Тифлис. Ага-Мухаммед-хан отступил, захватив с собой десятки тысяч отрубленных голов. Ими он собирался возвести «шатер», не хватало ему, однако, головы Ираклия II, которой шах был намерен увенчать свой шатер...

Столь редкая форма ксенофобии, господствовавшая в Персии и обрушившаяся на Грузию, на протяжении трехсотлетнего шахского ига захватила феодальную знать Картли-Кахетинского царства. Грузинские тавады, а вместе с ними и царский двор придерживались ксенофобии как идеологической системы. Особенностью ее являлись крайние виды чело-веконенавистнической психологии, жестокостей, насилия и воинствующей дискриминации «инородцев». В Восточной Грузии, и нигде больше на Кавказе, общественное сознание вполне воспринимало примитивный расизм как нечто естественное. Грузинский царевич в 1782 году издал свод законов, запрещающих бракосочетание между осетинами и грузинами. В нем предписывалось: «если какой-либо христианин выдаст дочь за осетина и сроднится с ним – посчитаем это как вероломство и крепко взыщем». Грузинский феодализм, обильно одобренный идеологией шахского деспотизма, был ориентирован на экспансию и установление режима, приводившего к геноциду. Отдельные села Южной Осетии, расположенные на равнине и соседствовавшие с грузинскими владениями моуравов, нередко становились жертвой подобной экспансии; грузинские хроники XVI, XVII, XVIII веков изобилуют сведениями о походах в южные районы Осетии с целью сбора дани и захвата людей. Что же до жестокостей и насилия, то грузинские моурави, подвластные шаху и лиходейской жадности, сочетавшейся с холопской злостью, превосходили своих персидских учителей. У Сека Гадиева, классика осетинской литературы, превосходно знавшего осетино-грузинские отношения, в одном из рассказов повествуется о том, как грузинский моурав, вероломно овладев осетинскими селами Кудского ущелья, установил тиранию: «моурава боялись не только люди, но, – как писал Сека Гадиев, – и горы, и звери». В рассказе писателя передана трагедия мужа и жены: они долго ждали рождения ребенка, но когда он у них появился, моурав заставил женщину кормить грудью щенка своей собаки. Недовольный тем, что щенок поху-дел, моурав выхватил ребенка, несколько раз ударил им женщину и умертвил ребенка; точно так же поступали персы с детьми грузинских крестьян. Специальные отряды Ага-Мухаммед-хана с вечера точили сабли, а утром входили в Тифлис и грузинские села и начинали с того, что проверяли на детях остроту своих сабель – если воин разом разрубал ребенка, то считал, что наточил свое оружие «как надо». Похоронив единственного ребенка, женщина, героиня Сека Гадиева, продолжала кормить грудью щенка. Однажды повзрослевший щенок укусил женщину в грудь. Заражение крови стало причиной ее смерти. Берды, ее муж, потеряв семью, обнищал от поминок. Пережитое насилие свело его с ума. Ему стало казаться, что за ним постоянно гонится озверевший грузинский моурав. Вскоре не стало и Берды. В рассказе Сека Гадиева, как и в других произведениях писателя, немало говорится об упорной борьбе Южной Осетии с грузинским варварским феодализмом. В 1791 году Ираклий II вынужден был признать, что с жителей Южной Осетии «нельзя было брать ни саупросо, ни сауплискуло», т. е. повинностей, поскольку они считали себя свободными. На протяжении всего XVIII века Южная Осетия систематически подвергалась вооруженным вторжениям со стороны Картли-Кахетии и Имеретии, приводившим ее к опустошению. Сжигая села, отнимая имущество, скот, захватывая людей в плен, одни из которых направлялись как «живой товар» в Персию и Турцию, другим выкалывали глаза и отпускали «на волю», грузинские моурави добивались распространения персидского и турецкого господства в Южной Осетии. Грузинская феодальная экспансия особенно усилилась при Ираклии II, который вынашивал планы расширения своего влияния в Закавказье, в особенности среди горцев Большого Кавказа, и с помощью последних думал освободить Грузию от персидского и турецкого ига. На последнюю четверть XVIII века приходится один из самых сложных периодов осетино-грузинских отношений. В этот период Ираклий II, получив серьезную военную поддержку со стороны России, взял курс на централизацию своей власти. Он также вынашивал идею объединения народов Закавказья и Большого Кавказа, чтобы противостоять Персии и Турции. Однако решения первой задачи – укрепления своей власти – Ираклий II доби-

вался за счет ослабления грузинской знати, стремившейся к политическому сепаратизму. Агрессивные действия он вел и в отношении Южной Осетии. Лишив сначала владельцев Мачабеловых, а затем и Эристовых феодальных прав, Картли-Кахетинский царь с помощью карательных мер пытался установить в Южной Осетии свое безраздельное господство. Что касается второй задачи – освобождения Грузии от иноземного ига, то Ираклий II, подорвав свое влияние среди собственной феодальной знати, был обречен на серьезную неудачу. Феодальная оппозиция оказалась в лагере Ага-Мухаммед-хана, объявившего геноцид грузинскому народу. Несмотря на все усилия, Ираклию II, до этого очень популярному в Грузии, не удалось в судьбоносный для народа момент собрать войско и защитить страну от опасности, грозившей ей полным исчезновением: Восточная Грузия выставила ополчение в тысячу воинов, столько же дала Имеретия. Этих сил против 35-тысячной армии (по некоторым данным, шах располагал 70-тысячной армией) было безнадежно мало. Обращения Ираклия II к соседним народам о военной помощи не нашли отклика. Одна лишь Осетия, несмотря на насилие, жестокости и феодальную экспансию грузинских тавадов, снарядила вооруженный отряд численностью в 500 воинов. Поводов для такого жеста у осетин явно не было. У Осетии было немало своих внешних опасностей и тяжелых военных невзгод, но никогда Грузия не проявляла готовности защитить соседний народ. Никто еще не пытался объяснить странный феномен – не было ни одной войны, которую вела Грузия и в которой на ее стороне не участвовала бы Осетия. «Осетинам много не надо, свистни им, и они придут на защиту... Так было всегда... Кости их разбросаны и стонут на полях сражений», – с грустью и не без укора писал об этом Сека Гадиев.

В 1795 году Грузия нуждалась в спасении от физического уничтожения, к которому в том году приступил Ага-Мухаммед-хан. Истребление грузинского населения, подвластного персидскому шаху, становилось реальным. Феодально раздробленная страна была поставлена на колени. Тавадская знать, многие из которой приняли персидские имена, спасая себя, предала собственную страну и вместе с шахом участвовала в геноциде грузинского народа. Всеобщее предательство не обошло стороной и царский двор. За спиной Ираклия II, пытавшегося оказать сопротивление войскам Ага-Мухаммед-хана, его супруга и сын вынашивали планы о насильственном устранении царя, чтобы с помощью шаха взойти на престол. На помощь пришли российские войска. Шах отступил, оставив разрушенный Тифлис, сожженные села и десятки тысяч жертв. Ираклий II, как и грузинский народ, видел, какая угроза нависла над Грузией, – отступление Ага-Мухаммед-хана было вынужденным, в Грузии это хорошо понимал каждый. Единственным выходом из создавшегося положения являлось присоединение к России. Вопрос о присоединении к России Ираклий II периодически выдвигал и раньше. Но после того как Ага-Мухаммед-хан обнажил свои планы в отношении Грузии, Ираклий II готов был даже ценой ликвидации своего трона присоединить к России Картли-Кахетинское царство, которому в первую очередь угрожал персидский шах. В 1796 году, однако, не стало Екатерины II, энергично поддерживавшей Ираклия II. Сменивший ее Павел I под влиянием петербургских англоманов не стал проявлять особого интереса к Кавказу. Новый император отозвал российские войска из Грузии, предоставив Ираклию II самому решать проблемы грузино-персидского противостояния. Seriously изменившейся политической обстановкой поспешил воспользоваться Ага-Мухаммед-хан. В 1797 году он вновь с крупными военными силами подступил к Тифлису. От нового геноцида Восточную Грузию спасла случайность – нукеры расправились с патологически жестоким шахом. Неожиданная смерть Ага-Мухаммед-хана, настойчиво проводившего идею геноцида в Грузии, не снимала общей угрозы, нависшей над грузинскими районами, входившими в состав Персии. Пришедший ему на смену Фетх-Али-шах (Баба-хан), племянник Ага-Мухаммед-хана, не уступал в жестокостях своему дяде. Но главное было в другом – новый шах готов был не только расправиться с Грузией, ориентированной на Россию, но и вытеснить из

Закавказья Османскую империю, чтобы установить свое господство во всем регионе. Положение Картли-Кахетинского княжества осложнялось еще одним обстоятельством – смертью в 1798 году Ираклия II. Разыгравшаяся в связи с этим внутридворцовая борьба фактически парализовала политическую жизнь страны, не успевшей оправиться от кровавой тризны Ага-Мухаммед-хана.

От «Гурджистанского валийства» – к созданию страны «Грузии»

Ираклий II завещал престол Георгию – сыну от первой жены, несмотря на то что сын был тяжело болен – страдал патологическим чревоугодием. Но для царя важнее была приверженность Георгия к его политическим позициям – в первую очередь ориентации на присоединение к России. Вдова Ираклия II, вторая жена царя, и ее сыновья, претендуя на власть, были сторонниками сохранения Картли-Кахетии в составе Персидского государства. Только внешне мог выглядеть банальным политический раскол, происшедший в семье Ираклия II. На самом деле он рельефно отражал наличие в Восточной Грузии двух идеологий – тавадской, по своему социальному существу устойчиво сложившейся на жестких принципах восточного деспотизма, и «христианско-гуманистической», признававшей строгую систему господства и подчинения, но придерживавшейся религиозного принципа «не убий». Ираклий II, ведший острую борьбу с выращенной персидским двором тавадской грузинской верхушкой, отражал идеологию православной церкви, видя в ней одно из средств освобождения страны. На ней же основывалась его российская политическая ориентация. Борьба двух идеологий после смерти Ираклия II приняла широкие масштабы. Георгий XII лишь формально олицетворял царскую власть. Но и этого было достаточно, чтобы его положительный образ вошел в историю Грузии. Он был настойчив в присоединении ослабленного княжества к России, подготовил проект такого присоединения и отправил в Петербург свою депутацию. Павел I подписал договор о вхождении Картли-Кахетинского царства в Россию. Но Георгий XII, не дождавшись возвращения своих посланников, в 1800 году скоропостижно умер. Смерть фактически последнего представителя Багратидов, возглавлявшего сравнительно небольшое феодальное образование в Закавказье, и политический хаос, наступивший в крае, окончательно привели страну к экономической и социальной деградации. По оценке известного в XIX веке грузинского поэта и общественного деятеля А.Г. Чавчавадзе, «Грузия тогда была подобно изнуренному больному, который едва в силах объяснить слабость своего состояния». В этот период особенно острым становилось противостояние двух политических группировок, определившихся еще при Ираклии II. Одну из них возглавлял царевич Давид, сын Георгия XII, считавшийся наиболее законным наследником престола, другую – царевич Юлон, сводный брат умершего царя. Преимущество царевича Давида, ориентировавшегося на Россию, заключалось в формальной стороне – у него, казалось, было больше прав на престол, однако он не имел реальной социальной опоры. Царевич Юлон имел поддержку как со стороны феодальной знати, так и Тегерана, рассматривавшего его как законного назначенца шахского правительства. Следует напомнить об одном очень важном для персидского шаха обстоятельстве: выход Восточной Грузии из правовой сферы (юрисдикции) Персии делал нелегитимным занятие кем бы то ни было шахского престола, поскольку – согласно закону – при отсутствии хотя бы одного вассала на коронации наследник шаха оставался ханом, но не мог стать полноправным шахом. По этой причине, как в свое время для Ага-Мухаммед-хана, так и для Фетх-Али-хана, исполнявшего обязанности шаха с 1798 года, борьба за Восточную Грузию являлась одновременно отстаиванием законности шахского титула. Этим во многом объяснялась та высокая активность Фетх-Али-хана в Грузии, с которой он противостоял России в Закавказье. Подписанный Павлом I проект о присоединении Картли-Кахетинского княжества, сохранявшего в нем царя – вассала персидского шаха, и отсутствие международных правовых актов, которые бы отменяли исторически сложившийся в Восточной Грузии сюзеренитет Персии, создавали для грузинского княжества уникальное политико-правовое положение. В Петербурге хорошо понимали, сколь нелегитимен был договор о присоединении Восточной Грузии к России, заключенный между Павлом I и

Георгием XII. Распавшаяся семья Ираклия II в своем большинстве, так же как тавады, не признавала права царевича Давида на престол. Как наиболее «законные» в сложившейся ситуации рассматривались требования персидского шаха, ставившего вопрос о территориальной принадлежности Восточной Грузии Персидскому государству. Столь высокая степень политико-правовой неопределенности, в которой на грани двух веков оказалось Картли-Кахетинское княжество – историческое ядро Грузии, явно лишала страну видимых исторических перспектив. Собственно о них, исторических перспективах, не очень заботились ни княжеский двор, ни феодальная знать. Разыгравшаяся в семье Багратидов свара, эгоцентризм тавадов, смешанный с особым рода национальной фанаберией, оставались главными причинами политического хаоса, в котором находилось Картли-Кахетинское княжество. Что касается Петербурга и Тегерана, то Георгиевским трактатом 1783 года и договором, состоявшимся между Павлом I и Георгием XII, Россия настолько далеко зашла в грузинском вопросе, что отступление в любом его виде было бы похоже на то, что Картли-Кахетинское княжество – кость, брошенная разъяренной Персии. Стоит подчеркнуть и другое. На фоне крупных внутренних и европейских проблем, стоявших перед Россией в начале XIX века, вопрос о судьбе грузинского княжества никак не мог относиться к сколько-нибудь значимым для Петербурга. Несмотря на это, Александр I свою государственную деятельность начинал с разрешения грузинской проблемы. При этом император, учитывая опасность, нависшую над Восточной Грузией, исходил из необходимости защиты прежде всего православия, являвшегося духовной основой российской государственности. В действиях Александра I, связанных с кардинальным решением грузинского вопроса, не было ни спешки, ни политической суеты, тем более «лицемерия», о котором иногда пишут грузинские историки. В основу решения проблемы присоединения Грузии к России был положен все тот же манифест, составленный Георгием XII и Павлом I. Главным, однако, был вопрос о судьбе царского престола в Картли-Кахетии, подвергавшийся тщательному обсуждению. Александр I передал его на рассмотрение Непременного Совета, на котором после первого обсуждения была создана Комиссия во главе с генералом К.Ф. Кноррингом. Детально ознакомившись на месте с положением, создавшимся в Восточной Грузии, Комиссия представила Непременному Совету доклад о Грузии. Такой же доклад был получен императором. На его основе состоялось второе обсуждение грузинского вопроса на Непременном Совете, на котором был сделан вывод о том, что Грузии угрожают не только геноцид со стороны Персии и междоусобицы тавадской знати, но и царский дом, охваченный династическими распрями. Но была еще одна важная политическая ситуация, влиявшая на решение судьбы царского престола, – это персидский сюзеренитет, к которому тесно был привязан Картли-Кахетинский царь. Сохранение царского дома, в котором наметился перевес сторонников проперсидской ориентации, значительно повышало правомерность притязаний Персии в Восточной Грузии. Правовое и фактическое присутствие Персии в Картли-Кахетинском княжестве ставило перед Россией вопрос не только о ликвидации царского престола, но и принципиально новом решении грузинской проблемы. Оно требовало от России объявления Восточной Грузии неотъемлемой частью Российской империи, и только это предоставляло ей право на вооруженную защиту народа, которому Персия угрожала физическим уничтожением. В том, собственно, и заключалась необычность присоединения Картли-Кахетинского княжества, что Россия, объявляя Восточную Грузию своей государственной территорией и вводя на ней губернскую администрацию, брала на себя в отношении этой территории особые обязательства. К числу таких обязательств следовало отнести содействие России в восстановлении «древних границ» Грузии. Сложность, однако, заключалась в том, что никто толком не мог указать на эти границы и тем более на правовое положение, согласно которому бы происходило возвращение «грузинских территорий». Естественно, обеими сторонами условие о восстановлении «древних границ», записанное еще в проекте «Манифеста» Георгия XII, понималось как предостав-

ление России права на объединение средствами войны всех бывших Картвельских земель, присоединяя таким образом к Картли-Кахетинскому княжеству не только ранее потерянные им территории, но и весьма спорные. По существу, обязательством о восстановлении «древних границ» Россия брала на себя обязанность из одного грузинского княжества – Картли-Кахетинского создать новую на Кавказе страну под названием «Грузия». В своей политике в Закавказье Петербург твердо придерживался четкого выполнения своих обещаний.

Манифест о присоединении Картли-Кахетии к России, подписанный Александром I, вызвал в Грузии всеобщее ликование, поскольку, по словам И.Г. Чавчавадзе, выдающегося общественного деятеля и писателя, «наступало новое время, время покоя и безопасной жизни для обескровленной и распятой на кресте Грузии». Однако о вечных ценностях – безопасности народа, создании единой страны, сохранении своей духовной культуры, о которых писал И.Г. Чавчавадзе, меньше всего думали тавады и сонм грузинских престолонаследников, с молоком матери впитавших варварские формы персидской мизантропии. Кровавый геноцид Ага-Мухаммед-хана и угроза физического уничтожения грузин Фетх-Али-ханом здесь рассматривались как рядовые события. Во главу угла – в числе принципов шахской мизантропической идеологии – наряду с жесткой системой деспотизма грузинская знать ставила власть и собственность. В Петербурге достаточно полно были осведомлены об особом пристрастии грузинской знати к лихоимству, и не случайно в Манифесте о присоединении Грузии к России подчеркивалось, что «все подати с земли вашей» будут направлены в пользу самой Грузии, «каждый пребудет при преимуществах состояния своего... при собственности своей неприкосновенно», «царевичи сохраняют уделы свои...» Но российское правительство, гарантировавшее грузинской знати феодальную собственность и привилегии, одновременно лишало ее традиционной для нее идеологии восточного деспотизма, в которой ненависть к зависимому человеку, насилие и жестокости над ним рассматривались как естественные средства усиления своей власти и увеличения собственности. Тавадов и царевичей не устраивал последний абзац российского Манифеста о присоединении Грузии, суть которого заключалась в следующем: «Наконец, да познаете и вы (грузины. – М. Б.) цену доброго правления, да водворится между вами мир, правосудие, уверенность как личная, так и имущественная, да пресекутся самоуправство и лютые истязания, да обратится каждый к лучшим пользам своим и общественным, свободно и невозбранно упражняясь в земледелии, промыслах, торговле, рукоделии, под сенью законов всех, равно покровительствующих». К такому уровню государственной жизни, предлагавшемуся Петербургом, Грузия явно не была подготовлена. Поиски привычных форм политического быта, исторически сложившегося здесь благодаря иноземному господству, привели большую часть тавадов и царевичей к шахскому двору. Царевичи Юлон, Александр, Парнаоз и грузинская аристократия укрылись под сенью Фетх-Али-хана. Отторжение российского императора, спасавшего грузин от «конечной гибели» и обещавшего «доброе управление», и появление представителей грузинской знати при дворе шаха, публично сулившего грузинскому народу физическое уничтожение, не было ни парадоксом, ни феноменом, вызванными экстраординарными историческими обстоятельствами. Это было проявлением всего-навсего повседневной данности, в которой все измерялось количеством собственности, и господствовавшей идеологической системы, ничего общего не имевшей с нравственностью христианского православия. Заняв Тифлис, Петербург столкнулся, с одной стороны, с ликованием народа, салютовавшего присоединению к России, с другой – с воинствующей оппозицией, требовавшей денонсации всех договоров между Россией и Грузией и угрожавшей огромной империи войной. В складывавшейся сложной обстановке, похожей больше на необычный политический маскарад, Россия начинала в Грузии совершать самые крупные и непоправимые ошибки, когда-либо отмеченные в ее политике на Кавказе. Одна из них – объявление Тифлиса не только губернским центром, но фактически главным городом всего Кавказа. Тем самым российская администрация,

как военная, так и гражданская, вынужденная заигрывать с бывшими вассалами Персии, становилась доступной для местной знати, а иногда и управляемой ею. Не случайно среди первых были решения об отмене введенных в свое время Ираклием II ограничений феодальных прав тавадов. Губернские власти в Тифлисе образовали так называемое Верховное грузинское правительство, состоявшее главным образом из представителей свергнутой царской семьи и тавадов, придерживавшихся российской политической ориентации. Оно занималось в основном расширением феодальных привилегий знати, распределением земельной собственности и установлением новой феодальной податной системы. Решения Грузинского правительства рассматривались губернатором и, как правило, им утверждались. Благодаря присоединению Восточной Грузии к России местная феодальная знать получила мощную государственную поддержку, с помощью которой не только подчиняла себе новые массы населения, но и стремилась к территориальному расширению своего господства. Основным направлением феодальной экспансии явилась Осетия, в особенности ее южные районы, сопредельные с Грузией. Начало вооруженному вторжению в Южную Осетию с целью установления в ней феодального господства было положено Верховным грузинским правительством, состоявшим исключительно из представителей знати. В 1802 году оно обвинило осетин в разбойных нападениях на грузинские села и потребовало от российских властей в Тифлисе карательных мер в отношении Южной Осетии. Положение последней осложнялось тем, что в тот момент по Южной Осетии, протестовавшей в связи с восстановлением в некоторых ее селах феодальных прав грузинских князей Эристава и Мачабели, разъезжал царевич Юлон, сын Ираклия II, клевет персидского шаха, и призывал местное население к войне против России. Об этом доносил российскому командованию генерал-майор Лазарев, хорошо знавший о политической деятельности царевича Юлона и о неповиновении южных осетин грузинским князьям. Зимой 1802 года подполковник Симонович с воинским отрядом вступил в Южную Осетию и достиг центральных районов осетинских обществ. Появление значительного вооруженного отряда российских войск, ставившего перед собой карательные задачи, не вызвало в Осетии военного конфликта. Позже, вспоминая об этой экспедиции, граф И.Ф. Паскевич отмечал, что русских солдат осетины встречали как своих избавителей, но, по оценке графа, «когда осетины увидели, что русские начали отдавать их на произвол помещиков», «привязанность их к русским заметно уменьшилась».

Мирным исходом карательной экспедиции Симоновича в Осетии остались недовольны грузинские тавады. Тот же генерал Лазарев сообщал своему командованию, что «из князей и дворян здешних (грузинских. – М. Б.) осталось усердствующими России самая малая часть». Летом 1802 года грузинские тавады объединились в политическую фронду. Они провозгласили своим царем Юлона, тесно связанного с персидским шахом. Одновременно присягнули Александру I, которому отводилась роль верховного сюзерена. 69 тавадов обратились к императору с просьбой о сохранении в Грузии царя из дома Багратидов. Грузинская знать, фрондировавшая с Россией, хорошо понимала, что восстановление грузинского царского престола и избрание на него царевича Юлона – это не что иное, как признание за Персией ее права на владение Восточной Грузией. Не исключено, что грузинские тавады, приносившие интересы своей страны в жертву собственным утилитарным выгодам, действовали вместе с Юлоном во взаимодействии с шахским правительством. Во всяком случае, как только царевич Юлон был избран правителем Грузии, его первым поздравил Фетх-Али-хан, подчеркнувший при этом, что Грузия «есть часть самодержавного иранского владетеля владений». Что же до присяги по поводу признания Александра I «верховным сюзереном» Грузии, то в череде политических акций это являлось всего лишь формальностью, к которой прибегли тавады; они же направили в Восточную Осетию, по которой протекает Военно-Грузинская дорога, царевича Вахтанга, чтобы с помощью осетин перекрыть единственную коммуникацию, связывавшую Россию с Грузией. Другие царевичи – Юлон, Парнаоз и Александр и с

ними многие грузинские князья пытались в Южной Осетии спровоцировать местное население к антироссийским выступлениям.

В условиях, когда абсолютное большинство политической элиты Грузии настаивало на возвращении своей страны в лоно персидского государства, самым выгодным для Петербурга решением, несомненно, могло бы явиться дезавуирование манифеста 1801 года о присоединении Грузии к России и отстранение до лучших времен от грузинской проблемы. Было слишком очевидно, что российская политика, основанная на идее спасения единой Грузии, кроме международных осложнений и тяжелых затяжных войн, никаких иных результатов для Петербурга иметь не будет. Ясно было и другое: несмотря на принадлежность России и Грузии к одной и той же религиозной конфессии, в грузинском феодальном обществе господствовавшей идеологией являлся восточный деспотизм. Он представлял собой не только следствие длительного процесса формирования восточногрузинского общества в составе шахской Персии, но и одинаковой с Персией социальной организации феодализма; как и в Персии, в Грузии сохранялся общинный быт, при котором феодальная собственность на землю создавалась не благодаря внутреннему социальному генезису, а посредством наделения отдельной семьи, рода во временное пользование земель. Подобная модель феодализма порождала тиранию – как глубоко консервативную форму государственности и идеологических установок. В довольно короткое время, какое Грузия находилась в составе России, обнаружилось несходство грузинского общества с православно-духовным миром России и набирала силу ностальгическая тяга тавадов к идеологическим ценностям, присущим восточному деспотизму.

Лихоимствующая знать, слишком занятая повседневностью, обычно обладает короткой памятью. Ее заботит собственное будущее, и она отстраняется от народа и судьбы своей страны. Многочисленная семья Багратинов и грузинские тавады за короткое время успели забыть, как Ага-Мухаммед-хан устроил в Грузии кровавую расправу – то, как на мосту через Куру отсекали головы обнаженных грузин... Их не пугали и новые угрозы персидского шаха Фетх-Али-хана. Летом 1802 года, после ареста российскими властями царевича Вахтанга, 40 грузинских тавадов во главе с царевичем Александром и Теймуразом бежали в Персию, чтобы начать тотальную войну с «единоверной» Россией.

Подъем «импортной» модели грузинского феодализма: экспансия в Осетии

В Петербурге справедливо считали, что причиной столь жесткой оппозиции в отношении России являлось стремление тавадов к расширению феодальной собственности и сохранению правового произвола, позволявшего вводить неограниченные формы угнетения крестьянских масс. В тени оставалась непонятная для российских властей, но важная особенность грузинских князей, на протяжении трех веков находившихся на положении вассалов; последние ожидали, что Россия, как в свое время персидский шах, будет щедро им раздавать земли и наделять их деспотической властью. Не зная всех тонкостей грузинского феодализма, российские власти, желая максимально удовлетворить притязания знати и тем самым снизить в Грузии политический накал, решили передать вопросы о земле, крестьянах и повинностях на рассмотрение Верховного грузинского правительства. Последнее фактически восстановило практику наделения феодалов землей, существовавшую при персидском шахе, – практику, с которой пытался покончить Ираклий II. Раздача владений, которой занималось Верховное правительство Грузии, происходила не только на грузинской территории, но и в других районах, входивших в Тифлисскую и Кутаисскую губернии. В 1803 году решением этого правительства значительная часть Южной Осетии (около 50 сел) передавалась во владение грузинских князей Эристави. Немногим меньшая доля равнинной территории Южной Осетии закреплялась за грузинским феодальным родом Мачабеловых. С этого началось интенсивное продвижение грузинского феодализма на территорию Южной Осетии. Главным распределителем земельной собственности, а вместе с ней и осетинских сел становились грузинские власти, состоявшие из наиболее знатной части грузинских князей. Важным событием для тавадов, устремившихся в Южную Осетию, явилось назначение в 1802 году в угодую знати главнокомандующим на Кавказе генерала П.Д. Цицианова, грузина по происхождению, жившего в России. Новый командующий, поощряя экспансию тавадов, значительно расширил владения грузинских феодалов. С его помощью они наделялись землями, им передавались села в Южной Осетии. Грузинская знать рассматривала генерала Цицианова «правителем Грузии» и все свои проблемы решала при его поддержке. В год назначения генерала Цицианова особенно часто стали поступать жалобы и протесты со стороны осетинского населения, на которое ложилось тяжелое бремя повинностей в пользу грузинских феодалов. Считая себя людьми свободными, независимыми от Грузии, осетины решительно отказывались выполнять какие-либо повинности и вели отчаянную борьбу с засильем иноземных феодалов. Вооруженные столкновения нередко заканчивались убийством сборщиков повинностей, а иногда и самого феодала. По заключению надворного советника Ястребцева, с созданием в Грузии российской губернии осетины «отошли во владение» грузинских «князей, от которых терпят неслыханные доселе на Кавказе жестокости. Сии владельцы отнимают и продают у них детей, лишая всякого имущества. Оттого осетинцы ненавидят грузин с их верою». О «неслыханных доселе на Кавказе жестокостях» грузинских тавадов в Южной Осетии еще будет сказано, здесь же отметим другое. Российская политика в Грузии, рассчитанная на поиски социальной опоры среди тавадов и с этой целью поощрявшая последних в их феодальной экспансии, вызывала среди других кавказских народов немалый страх. Тот же надворный советник Ястребцев подчеркивал, что «прочие жители Кавказа вооружают против правительства (российского. – М. Б.), думая, что ежели Россия завладеет ими, то они впадут так же во власть грузинских князей и будут испытывать ту же бедственную участь». Оценку Ястребцева о политическом положении, создавшемся на Кавказе, разделял и архиепископ Досифей, считавший, что засилье грузин-

ских князей в Южной Осетии вызовет «затруднения с присоединением горских жителей» к России.

Не менее сложно, чем в Южной Осетии, складывалась ситуация в Восточной Осетии (Тагаурии), также ставшей объектом феодальной экспансии грузинской знати. Здесь тавадов привлекали не только превосходные пастбища, скотоводческие хозяйства осетин, но и Осетинская дорога, соединявшая Северный Кавказ с Закавказьем; доходы от дороги, поступавшие от купцов и различных транспортов, были значительны. Генерал Цицианов, страдавший фанатерией грузинских князей, переименовал Осетинскую дорогу, назвав ее «Военно-Грузинской». Его не устраивало и то, что дорогу контролировали осетинские феодалы, строившие с помощью своих крестьян мосты через Терек и дорожные переходы. Генерал Цицианов решил привлечь к русской службе известного грузинского феодала Казбеги, ранее занимавшегося антироссийской деятельностью. Командующий готовил его на должность «начальника тагаурцев», т. е. Восточной Осетии, территория которой начиналась в предгорьях Северного Кавказа (по бассейнам рек Терека, Гизельдона и Геналдона) и заканчивалась далеко в Закавказье; на южную часть Восточной Осетии по бассейну реки Арагви претендовали также грузинские князья Эристави, просившие российские власти отвести им осетинские села. Генерал Цицианов лишил осетинских владельцев права взимания на Военно-Грузинской дороге пошлины; до этого проезжавшие по дороге транспорты платили пошлину за дорогу и отдельно за мосты. Серьезно подорвав политическую опору среди осетинской феодальной знати, российский командующий наряду с Южной Осетией создал в Восточной Осетии угрозу военно-стратегическим позициям России на Центральном Кавказе. Вскоре, как и ожидалось, Ахмет Дударов, наиболее известный и влиятельный осетинский феодал, владевший землями и частью Военно-Грузинской дороги в районе Ларса и Чми, был приглашен грузинскими царевичами в Кутаиси. Здесь состоялись переговоры о совместных действиях, направленных против российских и грузинских властей в Тифлисе. В Кутаиси обсуждались также крупномасштабные планы, связанные с военным сотрудничеством грузинских и осетинских политических сил с Ираном и Турцией; в 1803 году, когда велись переговоры в Кутаиси, у грузинских царевичей, находившихся на службе соседних государств, не было сомнений в начале русско-иранской и русско-турецкой войн. В том же году от Фетх-Али-шаха стали поступать в Осетию фирманы, оповещавшие местную знать о скорой войне с Россией.

С этого времени Осетии, подвергшейся политическим притеснениям со стороны генерала Цицианова и грузинских тавадов, отводилась значительная роль в будущей войне с Россией. Персидский шах в своих фирманах писал не только о возвращении Грузии в лоно своего государства, но и об овладении Осетией вплоть до Моздока и Кизляра. В различных обществах Осетии стали появляться грузинские царевичи. Они от имени персидского шаха призывали местное население к антироссийским выступлениям. Однако царевичи не имели в Осетии сколько-нибудь заметного успеха. Осетины знали цену обеим партиям грузинской знати – и тем, кто сотрудничал с российскими властями, добиваясь новых владений и феодальных привилегий, и тем, кто с точно такими же целями провоцировал персидского шаха к войне с Россией. По вовлечению осетин в грузинскую фронду и обострению ситуации на Центральном Кавказе более успешно, пожалуй, действовал генерал Цицианов. Вполне разделяя идеологию ксенофобии, свойственную своим грузинским сородичам, он сначала объявил блокаду Восточной Осетии, а затем, приступив к строительным работам на Военно-Грузинской дороге, заставлял местное население выполнять дорожные работы. Здесь, на дороге, нещадную эксплуатацию генерал Цицианов требовал сопровождать жестокостями и насилием над местным населением. Не забывал он и об осетинской знати, которая была недовольна политикой России, защищавшей интересы грузинских тавадов и не признававшей привилегии осетинских феодалов. В адрес последних генерал слал письма,

полные жестоких угроз. Так, Ахмету Дударову Цицианов обещал приехать в Осетию, зарезать его и его же аристократической кровью смыть грязь с собственных сапог; подобная расправа, которую сулил генерал осетинскому феодалу, была широко распространена среди грузинских князей в Южной Осетии. Ахмет Дударов не относился к пугливым, через грузинского царевича Александра он связался с персидским шахом и вскоре, по свидетельству русского офицера Стемковского, получил денег и на трех мулах золота. На эти средства весной 1804 года Ахмет Дударов создал вооруженный отряд и перекрыл Военно-Грузинскую дорогу. Цицианов не пытался вести переговоры с осетинской знатью; грузинская спесь и жажда крови, в каком-то особом холопском их выражении, доводили его разум до помутнения. Действия Ахмета Дударова послужили поводом для применения к осетинскому населению знакомых генералу Цицианову методов насилия, к которым в Грузии прибегали войска персидского шаха. Он приказал «качать, пороть и рубить осетин без пощады, жечь все их жилища...» Осетинское население Восточной и Южной Осетии, ставшее жертвой прогрузинской политики Петербурга, обратилось к российским властям с заявлением: «Мы, – подчеркивалось в нем, – все до единого остановились на том, что если другая какая напасть не постигнет нас, дабы избавить от нестерпимой горести, то зажечь своими руками наши дома, жен и детей вогнать туда и самим броситься и так сгореть. Мы предпочитаем умереть так, чем мучиться, ждать смерти от плетей и видеть позор наших жен».

Русско-иранская и русско-турецкая войны: вовлечение Осетии в грузинскую фронду

В начале 1804 года Персия потребовала от России вывода своих войск из Закавказья. Отклонив ультиматум шаха, Россия была вынуждена вступить в войну с Ираном. Так Петербург, вынашивая идею спасения единой Грузии, но при этом имея в виду и свои собственные военно-стратегические цели в Закавказье, был вовлечен благодаря грузинским тавадам и генералу Цицианову в одну из тяжелых и продолжительных войн. Стоит подчеркнуть – в войне, начавшейся между Россией и Ираном, больше, чем Петербург и Тегеран, были заинтересованы грузинская знать – обе ее партии – пророссийская и антироссийская, а также Цицианов, вынашивавший планы возвращения Иверии ее «древних границ». Как отмечалось, проблема «древних границ», по существу ничем не обоснованная и отражавшая всего лишь особую степень агрессивности грузинской знати, возникала в российско-грузинских отношениях и раньше. Но ранее никто не решался конкретно формулировать «пределы» этих границ, на которые претендовали тавады. Под влиянием последних их впервые обозначил князь Цицианов. В начале 1805 года он заявил, что «Гуржистанское валийство» – так было принято называть будущую Грузию – «простиралось от Дербента, что на Каспийском море, до Абхазетии, что на Черном море, и поперек от Кавказских гор до реки Куры и Аракс». Грузинские тавады были единственными, кто в своих отношениях с Россией ставил на Кавказе вопрос о территориальной ретроспективе. Обращало на себя внимание и другое – территориальные притязания грузинской знати, которые объявлял князь Цицианов: никогда грузинские территории не достигали Дербента и не простирались «от моря Черного до моря Каспийского». Не было в истории момента, когда бы Грузия из Алазанской долины вошла в пределы Джаро-Белоканской возвышенности и каким-то образом – военным, политическим или же иным способом соприкоснулась с дагестанским Дербентом. В XVII и XVIII веках наблюдалось другое – вытеснение грузинского населения из Кахетии крупными отрядами горцев Дагестана, опустошение Алазанской долины и компактное расселение горцев в этой долине. Результатом этого явилась потеря Ираклием II Телави, своей столицы, и переселение царской семьи в Тифлис.

Войной с Ираном воспользовались Франция и Турция. Первая из них активизировала свои военные действия на Балканах, а Порты, желавшая упрочить позиции в Имеретии и Северном Причерноморье, в конце 1806 года объявила войну России. Это были первые и,

несомненно, самые тяжелые последствия политики Петербурга в Закавказье, и в первую очередь в Грузии.

В годы русско-иранской и русско-турецкой войн грузинская знать напоминала раковую опухоль, широко пустившую метастазы. С одной стороны, ее представители стали «подороже продавать» свою верность России, получая взамен новые владения и привилегии, с другой – грузинские царевичи и их сторонники из знати разъезжали по Осетии, Кабарде и Дагестану, призывая местные народы к войне с Россией. Пользуясь антироссийскими настроениями, вызванными феодальной экспансией грузинских тавадов на Центральном Кавказе, царевичам Александру, Юлону и Парнаозу удалось поднять повстанческое движение в южной и восточной частях Осетии – в районах, составлявших главное направление феодальной экспансии грузинской знати. В самый сложный момент начала русско-иранской войны (в 1804 году) осетинские повстанцы числом 3000 человек во главе с Ахметом Дударовым закрыли Военно-Грузинскую дорогу, атаковали поместье грузинского князя Казбеги, которого генерал Цицианов прочил в управители восточных осетин, и повели длительную осаду Степан-Цминды, где была расположена русская команда. Вскоре к повстанцам присоединились южные осетины и грузинские села, расположенные на южных отрогах Центрального Кавказа, также страдавшие от феодального произвола тавадов. Антифеодальное и анти-российское движение принимало столь массовый характер, что летом 1804 года повстанцы под руководством Ахмета Дударова совершили нападение на Владикавказскую крепость. Российское командование, отрезанное повстанцами от метрополии, было вынуждено снять части войск с иранского фронта и вести ожесточенные бои с осетинским и грузинским крестьянством на северных и южных склонах Центрального Кавказа. Военные действия русских войск в югоосетинском направлении возглавил сам генерал Цицианов. Такое решение командующий принял не по соображениям военно-стратегической важности Южной Осетии; намного важнее было освободить от повстанцев Военно-Грузинскую дорогу и возобновить по ней движение военных транспортов, направлявшихся на русско-иранский фронт. Генерал Цицианов, планируя особо жестокие методы расправы над югоосетинским населением, не надеялся, что русские генералы и офицеры, нередко сочувствовавшие повстанцам, выполнят его репрессивные замыслы. К тому же командующий, желая укрепить в Южной Осетии феодальные позиции тавадов, решил на собственном уровне сломить сопротивление югоосетинского населения. В середине ноября 1804 года генерал Цицианов с крупным отрядом выступил из Цхинвали и приступил к репрессиям. Подводя итог своей карательной экспедиции в Южной Осетии, он был сдержан: «С войском, – писал он, – ходил в Осетию для наказания жителей ее, оказавших некоторые шалости, истребил многие селения в страх другим, сломал все башни, перебил всех осмелившихся противиться мне и возвратился с знатным пленом». На самом деле после карательных мер командующего на небольшой карте Осетии не стало многих населенных пунктов: они были либо разрушены, либо сожжены.

Несмотря на целый ряд уступок (в том числе «объявление милости» Ахмету Дударову), сделанных для народов Центрального Кавказа, отношение к генералу Цицианову со стороны горцев было как к жестокому грузину, занятому не столько интересами России, сколько выгодами грузинских феодалов. Не случайно, что из российских генералов-чиновников такого ранга он был, пожалуй, единственным, кто был убит в результате совершенного на него покушения.

Главкомандующим в Тифлис был назначен граф И.В. Гудович, многие годы служивший на Кавказе. Опытный генерал, хорошо знакомый с положением дел на Кавказском перешейке, с досадой писал в Петербург о том, что он «...нашел горских народов» как «отклонившихся от послушания», и свою задачу видел в «прекращении сего зла и приведение в горах живущих народов, а особливо осетинцев, в прежнее повиновение». Граф вернул права

осетинских феодалов на Военно-Грузинской дороге, а Ахмету Дударову, которому Цицианов обещал «отрубить голову», присвоил офицерское звание майора.

Острота политического накала, однако, не снижалась в Южной Осетии, где по-прежнему бесчинствовали грузинские тавады. Генерал И.В. Гудович, как и его предшественники, желая опереться на грузинскую знать, потакал ее социальным притязаниям. Дела Южной Осетии он передал полковнику Ахвердову, которого новый командующий назначил «правителем Грузии». Как типичный грузинский тавад, Ахвердов главной своей задачей считал защиту в Южной Осетии интересов грузинских феодалов. Для этого полковник Ахвердов просил командующего прислать российские войска, которые бы содержались местным населением, охраняли бы грузинских князей и подвергли аресту осетинских старшин. Одновременно правитель Грузии требовал от Гудовича организации с помощью российских войск блокады Южной Осетии, не позволяя ей сообщаться ни с грузинскими селами на юге, ни с Осетией на севере. Несмотря на крестьянское движение, с 1807 года набиравшее силу, командующий отказал правителю Грузии в войсках, которые Ахвердов намерен был «держатъ» в Ахалгори и Ломискане; объяснение своему отказу Гудович дал предельно ясное: «Воинские же команды держать... для того, чтоб помещики (грузинские. – М. Б.) имели силу управлять подвластными по своим прихотям, не годится». Командующий предлагал правителю Грузии «употребить увещевания, уговоры и другие средства». Отказав в регулярных войсках, генерал Гудович под давлением постоянных ходатайств грузинских феодалов, оказавшихся перед мощным сопротивлением южных осетин, выделил казаков, разместив их небольшими группами по феодальным владениям в Южной Осетии. Этими группами казаков, как правило, командовали грузины, получившие от российских властей воинские звания. Они находились на содержании местного населения, обязанного не только кормить казаков и их грузинских командиров, но и выполнять любые приказы. Нововведение, на котором настаивал правитель Грузии и о котором идет речь, вскоре обернулось вооруженной оккупацией Южной Осетии, приведшей к стихии грузинского насилия и бесчинства. Джавские крестьяне рассказывали, как грузинский капитан Амираджиби, запретив работу мельниц, расположенных на реке Лиахве, а затем через некоторое время сняв свой запрет, выждал, чтобы в мельницы свезли побольше зерна, и с помощью казаков конфисковал крестьянские запасы. Капитан арестовывал безвинных людей, держал их в тюрьме и заставлял родственников вносить за арестованных выкуп. Тот же Амираджиби «марта 12 вечером приехал с 10 казаками и», как обычно, («и как служили») крестьянская семья отдала ему «12 чаных ячменя и что как могли: хлеб, кушанье и водку, потом просил три тунги вина, но мы оно найти не могли, казаки, после того как выпили вина, один потребовал жену» хозяина. Дело кончилось тем, что члены крестьянской семьи «разругали казака», за что капитан Амираджиби, вызвав еще 25 грузин, учинил расправу над этой семьей. Осетинские крестьяне приводили перечень жестоких насилий, к которым прибегал Амираджиби в селах Южной Осетии для собственного обогащения, обращались к российским властям с жалобами, однако к их бедственному положению официальные власти были глухи. Командование моментально отреагировало лишь после того, когда крестьяне избили Амираджиби и его команду. Для разбора «проступка» осетинских крестьян в Южную Осетию был прислан грузинский князь Давид Тарханов. Было очевидно, чью сторону стал бы защищать визитер из Тифлиса. Крестьяне Южной Осетии сами взялись за собственное освобождение от грузинской военно-феодальной оккупации. Летом 1808 года в Тифлис стали поступать из осетинских сел сведения о массовых выступлениях крестьян против грузинских феодалов. Стихия крестьянских волнений, связанных с угоном скота феодалов, убийствами во время вооруженных столкновений и др., настолько разрасталась в Южной Осетии, что перекинулась на территорию Грузии и достигла Карталинских долин. Обеспокоенный положением дел в Южной Осетии, Петербург решил сменить в Тифлисе генерала Гудовича, рассматривая его как либерального

командующего, не в полной мере защищавшего интересы грузинских тавадов. На его место был назначен генерал А.П. Тормасов. Вступив на должность командующего, он, ссылаясь на императора, объявил о своем намерении всех бунтовщиков «отныне предавать смертной казни». Заявление генерала звучало как общее положение, на самом деле имелись в виду крестьяне Южной Осетии, которых Тормасов считал главными бунтовщиками. Политическая стратегия, с которой приехал новый командующий в Тифлис, окончательно обнажилась в середине сентября 1809 года. Именно тогда он объявил о своих главных решениях, принятых им в отношении Южной Осетии. Как оказалось, генерал Тормасов поручил подавление крестьянских волнений самим грузинским князьям и военным, служившим в русской армии. Последних возглавил «маршал дворянства Горийского уезда» князь Георгий Амилахваров. Вместе с «маршалом» и его грузинским отрядом в подавлении антифеодального движения в Южной Осетии принимали участие подполковник Шанше и князь Давид Эристави, дворяне Николай и Агатоник Амилахваровы, Реваз Цицианов и Бартвель Туманов. Грузинские силы вступили в Южную Осетию и добились «совершенного разбития» «сильной партии осетинцев». Взяты были в плен руководители движения. Из них двух генерал Тормасов решил повесить в Тифлисе, трех других – в Цхинвале. Несмотря на кровавую расправу, устроенную грузинскими тавадами в Южной Осетии, командующий не скупился на пафос, подводя итоги жестоким насилиям в отношении осетинского населения: «...изъявляя перед лицом всех обитателей здешнего края, – писал генерал Тормасов, – особенную мою признательность за столь похвальный их (грузинских феодалов. – М. Б.) подвиг, непримину довести о сем до высочайшего сведения Е.И.В. и желаю, чтобы все, населяющие здешний край, чувствуя наравне со мной благородный поступок сих князей, делающий честь нации и пользу их соотечественника, приняли сие убедительным примером к соревнованию». Как видно, российский командующий, отдавая Южную Осетию на произвол грузинским тавадам, фактически приглашал последних к дальнейшему закреплению осетин. Заметно было и другое – за новой политикой в отношении Южной Осетии стоял сам Александр I, которого генерал Тормасов собирался обрадовать успехами грузинских князей. Нет смысла строго судить императора, вынужденного одновременно вести тяжелые русско-иранскую и русско-турецкую войны и вдобавок к этому иметь дело с фрондой грузинской знати, обуреваемой жаждой наживы, за то, что он в виде давно уже обглоданной кости истерзанную и обнищавшую Южную Осетию бросил на съедение грузинским феодалам. Император был уверен, что, с одной стороны, тем самым он заслужит у Грузии верность, с другой – силами грузинских феодалов наведет мир и «порядок» среди беспокойных осетин. Подобный сценарий, предложенный в 1809 году Александром I, станет обычным. С этого года Южной Осетии будет отводиться в лучшем случае роль игральной карты, в худшем – той кости, с которой начал император России. Характерно будет и другое: российские правители так и не смогут насытить феодальное чрево грузинской знати, постоянно добивавшейся все новых и новых привилегий, и никогда Петербург «не заслужит» верности этой знати; в этом не было парадокса – шахская мизантропия, в свое время ставшая идеологической традицией грузинского феодализма, будет всегда оставаться прочным барьером между двумя православными странами. Но вернемся к той исторической ткани, которая своей расцветкой еще больше осложнилась после событий начала осени 1809 года. «Соревнование» по покорению Южной Осетии, объявленное генералом Тормасовым для грузинской знати, нашло широкий отклик в феодальных кругах Грузии. На Южную Осетию стали смотреть как на Клондайк, где для наживы позволено было любое бесчинство. Особенно усердствовали в своих феодальных притязаниях грузинские князья Эристави и Мачабели, получившие со стороны российского командования полную свободу. Произвол этих князей, которые, соревнуясь, стремились к вооруженному захвату всей территории Южной Осетии, до предела накалил политическую обстановку среди местного населения.

К лету 1810 года Южная Осетия была охвачена всеобщим бунтом. Это не пугало ни российские, ни грузинские власти. Казалось, что бунтующая Осетия их устраивала гораздо больше, нежели мирная. Правитель Грузии генерал-майор Ахвердов не упустил повода в очередной раз направить войска в Южную Осетию. Карт-бланш на поход он получил от генерала Тормасова; наставляя Ахвердова, командующий писал: «Охотно согласен и желаю, чтобы вы, собрав партию грузин, мтиулетинцев (грузинское племя. – М. Б.) и кто бы то ни был, послали под прикрытием пехотным с орудием разорять бунтующие осетинские селения, каких бы помещиков оные не были. Добыча же, при сем полученная, останется собственностью того, кто оную достанет». Подвергнув Южную Осетию карательным мерам, командующий предписал правителю Грузии «повесить без суда в Цхинвале» лидера осетинских повстанцев – Цховребова Папа, «славного осетина», как его называл генерал Тормасов. Казнены также были еще шесть человек – «товарищей» Цховребова. Желая запугать местное население, казнь их совершили «в разных пограничных к Осетии местах».

«Соревнование» за обладание Южной Осетией, начавшееся с легкой руки Тормасова, вскоре сформировало среди грузинской знати две группировки, в равной степени боровшиеся за первенство в господстве над югоосетинскими обществами: одна из них относилась к тавадам, другая – азнаури – более мелкое грузинское дворянство. Претендентами-тавадами являлись представители грузинских княжеских родов Эристави и Мачабели, азнаури – родственники Досифея Пицхелаури, архиепископа «Телавского и Грузино-кавказского», а также Иорам Черкезешвили. В борьбе двух феодальных группировок, притязавших на Южную Осетию, выяснилось самое важное – неосновательность феодальных прав в Южной Осетии грузинских князей Эристави, убеждавших российские власти в исконности владения ими осетинскими селами. Доказательства азнауров, отрицавших права Эристави на феодальные владения в Южной Осетии, были столь убедительны, что их, несмотря на всю негативность отношения к осетинам генерала Тормасова, разделял даже он. В письме князю А.Б. Куракину, главе иностранного ведомства России, командующий объяснял, что князья Эристави «не были настоящими владельцами» в Осетии, «а были только начальниками или правителями», и «что возвращение князьям Эристави имения... Вызвало неповиновение ксанских жителей не только им Эриставым, но и правительству, которое вынуждено было год тому назад послать вооруженную силу для приведения их к повиновению». Архиепископ Досифей Пицхелаури ходатайствовал перед генералом Тормасовым о лишении князей Эристави Ксанских владений в Южной Осетии, предоставленных им незаконно Верховным правительством Грузии. Но командующий не соглашался с этим, считая, что осетинские села в Южной Осетии были отданы грузинским князьям «за усердную службу». Несмотря на сопротивление командующего, не желавшего освобождения южных осетин от господства грузинских князей, сама постановка вопроса о незаконном присвоении феодальных прав на осетинские села со стороны Эристави являлась серьезным политическим достижением, вызванным волнениями в Южной Осетии.

Восстание в Кахетии: указ Александра I по Южной Осетии

Кроме двух феодальных группировок, боровшихся за феодальные владения в Южной Осетии, здесь же активно продолжала действовать грузинская феодальная фронда во главе с царевичами. В 1811–1812 годах царевичи, добивавшиеся отторжения Грузии от России, значительно расширили сферу своей политической деятельности. Наряду с Южной и Восточной Осетией, где нередко им удавалось поднять местное население против российских властей, грузинская феодальная фронда и царевичи немалый политический успех имели в самой Грузии. Объяснялось это крайним усилением феодального гнета тавадов, получивших поддержку со стороны российских властей. Процессы феодализации грузинского общества благодаря силовой обеспеченности со стороны командования были столь интенсивны, что лозунг об отторжении Грузии от России, выдвигавшийся грузинскими царевичами, находил явный отклик со стороны грузинского населения. Сказывалось и другое. Практика наделения тавадов феодальными владениями и крестьянами фактически являлась продолжением персидской политики «выращивания» феодализма, обеспечивавшей шаху реализацию через своих вассалов деспотической власти. Разумеется, подобной задачи, традиционно связывавшейся с шахом, не выдвигало российское командование, ограничивавшее свои цели поисками среди тавадов социальной опоры для поддержания в Грузии пророссийской политической ориентации. Но, сохраняя в Грузии персидскую модель генезиса феодализма, российские власти помимо своей воли создавали в лице тавадов «мини-валиев», власть которых опиралась не на феодальную собственность, а на право предоставления «верховой» властью феодального владения землей и крестьянами. Этот административный механизм распределения феодального права, которым пользовалось российское командование, порождал не только в Южной Осетии, но и в самой Грузии ничем не ограниченный феодальный произвол. Именно он уже в 1804 году вызвал среди грузинского крестьянства острое антифеодальное движение. Из-за произвола тавадов, доходившего до настоящего грабежа и разбоя, в 1812 году в Кахетии развернулось крупное крестьянское восстание. Его поддержали в Южной и Восточной Осетии, где вновь начались антироссийские и антифеодальные выступления. Участниками и организаторами восстания в Кахетии и Осетии были также представители грузинской феодальной фронды, лишившиеся в связи с присоединением Грузии к России своих прежних привилегий, и царевичи, добивавшиеся восстановления в Грузии царского престола Багратидов. Восстание в Кахетии, в Восточной и Южной Осетии началось в феврале 1812 года, в марте оно охватило ряд других районов Грузии и Кавказа, продолжалось до конца 1812 года. Стоит напомнить: 1812 год – один из самых сложных в русской истории. На него пришлось три войны – русско-иранская, русско-турецкая и Отечественная с Францией. Правда, России удалось заключить с Турцией Бухарестский мир, но это не очень облегчило положение – слишком тяжелой оказалась для России война с наполеоновской Францией. В этих крайне сложных условиях Россия могла бы пожертвовать Грузией – оставить ее той же Персии, не желавшей из-за нее заключения мира с Россией, оставить Грузию как слишком беспокойный район, потребовавший от России колоссальных расходов и человеческих жертв, и сосредоточиться на обороне собственной метрополии, которой реально угрожала Франция. Но вопрос об этом, казалось, вполне логичный, вытекавший из сложившейся ситуации, сколько-нибудь открыто в Петербурге не обсуждался. Чисто внешне это выглядело так, словно Россия – огромная машина, против которой в Грузии неистово продолжали войну значительные политические силы, зашла в огромное топкое болото и, застряв в нем, фатально обречена находиться на дне вязкого ила. Один из современных авторов, отмечая ошибочность российской политики в Грузии, называет ее «бульдोजьей», имея в виду ее

упорство в защите безопасности Грузии. Грузинская историография эту же политику, при которой Россия «прикипела» к Грузии, рассматривает банально – как колониальную; но до колониальной ли политики было в 1812 году России, если в войне с Францией на карту была поставлена ее собственная судьба. Добавим: трудно представить себе колониальную политику, лишенную каких-либо выгод и состоящую из одних потерь – что Россия имела за 12 лет пребывания в Грузии? – разве что две затяжные войны... Определения «бульдोजья политика», «колониальная политика», «имперская политика» и пр. – не более чем пена, видимая на исторической поверхности, существо же этой политики, привязавшей Россию к разоренной, нищей и раздираемой политическими распрями Грузии, в ее феномене, природа которого скорее всего «скрыта» в уникальности российской государственности, в сложности ее евразийскости и в духовной составляющей – православной религии, идеологически тесно связанной с генезисом самобытной государственности. Оправданна ли была политика России в Грузии, из-за которой приходилось ей нести огромное бремя на Кавказе? Ответ может быть только один – нет, если сугубо прагматически иметь в виду только российские национальные интересы и не считаться с судьбой грузинского народа – одного из древних и, несомненно, талантливых на Кавказе. Бесспорно и другое – Россия выполняла свою историческую миссию, связанную со спасением Грузии по меньшей мере от очередного геноцида, не исключавшего исчезновения ее как страны.

События 1812 года на Кавказе, в особенности восстания в Кахетии, Южной и Восточной Осетии, заставили Петербург более плотно заняться проблемами прифронтовых районов Закавказья. Еще летом 1811 года, когда политическое напряжение в Грузии и Южной Осетии достигло заметного накала, Александр I был вынужден отозвать из Тифлиса генерала Тормасова и вместо него главнокомандующим и главноуправляющим направить в Грузию Ф.О. Пауллуччи, итальянца по национальности. От нового командующего требовали кардинальных мер, направленных на серьезные перемены в Закавказье. Ожидалось, что успешные военные действия на русско-турецком фронте приблизят заключение мира с Турцией и это во многом будет способствовать упрочению позиции России в Грузии. Однако последующие события в Закавказье, развивавшиеся в 1812 году, показали, что их преобладающая зависимость – от внутренних социальных процессов, протекавших в Грузии, и меньшая – от внешнеполитических. Это особенно стало очевидным после заключения весной 1812 года Бухарестского мирного договора с Турцией. Несмотря на то, что победное окончание для России войны с Портой принесло Грузии важнейшее событие в ее истории – воссоединение Западной Грузии с Восточной – то, чего не удавалось осуществить самой Грузии на протяжении 450 лет, – именно той весной 1812 года восстание в Кахетии под руководством царевичей и грузинской фронды набирало силу и ставило вопрос об отторжении Грузии от России. За бурными событиями, происходившими в Кахетии, в Грузии не заметили, что из двух небольших феодальных княжеств Россия на протяжении немногим более десяти лет создала территориально самую крупную на Кавказе страну. Главные политические силы, состоявшие из грузинской знати, были сосредоточены на восстании в Кахетии; каждая из них ожидала возможности извлечь из крестьянского восстания свои собственные, узкофеодальные выгоды. В этом был феномен грузинской правящей элиты, которой подлинные интересы страны нередко казались журавлем в небе и которая предпочитала иметь синицу в руке.

Осенью 1812 года российскому командованию удалось подавить восстание в Восточной Осетии, открыть по ней движение транспортов в Закавказье. Повстанцы этой части Осетии принесли «присягу верности» России. Примерно по этому сценарию завершилось и восстание в Кахетии. На последнем его этапе грузинское крестьянство отвернулось от феодальной фронды и царевичей, вносящих в ряды восставших организованность и антироссийскую направленность.

Более сложным для Петербурга оказался югоосетинский политический узел. Его решением был вынужден заняться сам Александр I. В адрес императора поступали заявления архиепископа Досифея, лидера азнаурской грузинской феодальной группировки, ставившего вопрос о незаконности предоставления князьям Эристави феодальных владений в Южной Осетии; азнаурская группировка все еще надеялась, что, вытеснив представителей Эристави из Южной Осетии, она поделит между собой освободившиеся владения. Петербург запросил мнение маркиза Паулуччи по поводу ходатайств грузинского архиепископа Досифея. Это было сделано еще в 1812 году, в пору разгара повстанческого движения в Южной Осетии. Однако главнокомандующий, возможно под давлением тавадов, воздержался от ответа. Не исключено было и другое – уже летом 1812 года генералу Паулуччи предстояло покинуть Кавказ и он мог не успеть вникнуть в суть югоосетинской проблемы или же в характер борьбы азнаурских феодалов с тавадскими. Сменивший итальянского маркиза русский генерал Н.Ф. Ртищев столкнулся в Грузии с вопросом о политическом положении Южной Осетии как с одним из самых острых. Сложность его после 1812 года заключалась не только в непримиримой борьбе Осетии с грузинскими тавадами, но и в далеко зашедшем противоборстве за овладение Южной Осетией, продолжавшемся между двумя грузинскими феодальными партиями. В своих ходатайствах, обращенных к российским властям, архиепископ Досифей серьезно усилил свою позицию, сославшись на то, что осетинская духовная комиссия, которой он руководил, не может приступить к работе, поскольку из-за произвола, чинимого князьями Эристави в Южной Осетии, осетины отказываются принимать христианство. Александр I, занятый в 1814 году Венским конгрессом, свое кратковременное пребывание в Петербурге посвятил решению проблемы Южной Осетии. Он поручил князю А.Н. Голицыну, обер-прокурору Синода, «лично объясниться» по Южной Осетии, в частности по поводу феодальных прав в ней грузинских князей, с находившимися в то время в Петербурге генералами Тормасовым и Паулуччи – бывшими командующими на Кавказе. Подобное поручение Голицыну, с которым Александр I дружил с детства, явно свидетельствовало об изменившейся позиции императора, в свое время предоставившего князьям Эристави и Мачабели феодальные владения в Южной Осетии. Обер-прокурор Синода беседовал с Тормасовым и Паулуччи «порознь». Несмотря на это, оба сошлись на том, что Эристави безосновательно добивались в Южной Осетии феодального права владения осетинскими селами. Бывшие командующие на Кавказе также разделяли предложение архиепископа Досифея о лишении Эристави владельческих прав на осетинское крестьянство и в виде компенсации о назначении им государственного пансиона в размере 10 тысяч рублей серебром. А.Н. Голицын согласился с мнением генералов Тормасова и Паулуччи и доложил об итогах своих бесед Александру I. Император, в свою очередь, проконсультировался с главнокомандующим на Кавказе генералом Ртищевым и на имя последнего 31 августа 1814 года, перед самым отъездом на Венский конгресс, направил свой рескрипт по поводу Южной Осетии – монаршее письмо в Тифлис. В нем Александр I предписывал главнокомандующему лишить грузинских феодалов Эристави владельческих прав в Южной Осетии, а имения и населенные пункты, кои ранее были им пожалованы монархом, передать в государственную собственность. Одновременно князьям назначалось вознаграждение «по десяти тысяч рублей серебром в год потомственно». При этом император подчеркивал, что сумма компенсации превышала доход, который Эристави получали от повинностей в Южной Осетии. Что касается другой (азнаурской) группы феодалов, ранее являвшихся чиновниками грузинских царей и на этом основании претендовавших на владения в Южной Осетии, то Александр I отказал им в их владельческих притязаниях. Император поручил генералу Ртищеву рассмотреть заявления архиепископа Досифея и обсудить вопрос о присвоении воинских званий и назначении жалованья Николаю, Глаху, Гаврилу Пицхалауровым, Зурабу Пурцеладзе и Иораму Черкезишвили – претендентам на феодальные владения в Южной Осетии; счи-

талось, что монаршего поощрения воинскими званиями и жалованьем достаточно, чтобы удовлетворить феодальные притязания азнаурской партии. Архиепископ Досифей мог быть доволен не только этим, но и организацией Осетинской духовной комиссии, которая ему же вверялась; членами этой комиссии становились также феодалы, входившие в азнаурскую группировку.

Решения Александра I, принятые им в конце лета 1814 года по поводу Южной Осетии, были восприняты грузинской тавадской верхушкой крайне отрицательно. Особое недовольство выражали Эристава; денежное вознаграждение взамен феодальных владений, в какой бы мере сумма его ни восполняла им доходы от повинностей, налагавшихся на крестьян, не устраивала феодалов. Бесконтрольный произвол феодалов, ничем не ограниченная власть над осетинским населением и реализация сложившихся среди тавадов деспотических принципов господства над людьми, без чего феодал не мог рассматриваться как феодал, тем более – князь как князь, были не менее, чем доходы, важны для грузинской знати в ее притязаниях на феодальные привилегии. Решение Александра I о передаче бывших феодальных владений в Южной Осетии в государственную собственность, несмотря на его юридическую обоснованность, расходилось с той идеологической обстановкой, ориентировавшей грузинскую знать на феодальные притязания. В сущности, император всего лишь отстранял князей Эристави от феодальной собственности, увеличивая им при этом размеры крестьянских повинностей, поступавших в доход тем же князьям; выплаты десяти тысяч рублей серебром в год, назначенные Александром I для Эристави, согласно рескрипту императора, «производились из общих грузинских доходов», другими словами – из тех же осетинских сел, повинности которых отныне должны были поступать в казну. Казалось, удобная для Эриставских князей система получения доходов, при которой хлопоты по сбору повинностей брало на себя государство, вызвала у феодалов глубокий протест. Иначе повели себя осетинские села Южной Осетии. Их не пугало увеличение повинностей, вызванное решениями Александра I, напротив, они проявили инициативу и «безропотно» внесли «подати в казну». Ананурский земский исправник не знал, как поступить с «казенным взносом», собранным осетинским населением, поскольку не имел еще официальных поручений в связи с императорским рескриптом.

В Южной Осетии о монаршем решении узнали от архиепископа Досифея, осенью 1814 года приступившего к духовной деятельности среди осетин. Старшины осетинских обществ через обер-прокурора Голицына направили Александру I письмо, в котором благодарили его «от имени всего народа за даруемую им свободу». Вместе с тем авторы письма выражали тревогу по поводу того, что императорский рескрипт не проводится в жизнь. У осетинского населения Южной Осетии было немало поводов для тревоги. С одной стороны, оно поверило, что получило долгожданную свободу, с другой – не могло не заметить, с какой яростью на него обрушилось многочисленное «семейство» князей Эристовых. Последние, пользуясь неповоротливостью российских властей в Тифлисе, не приступивших к выполнению поручений Александра I, продолжали собирать в осетинских селах подати, захватывали людей, в том числе детей, и продавали их турецким купцам, отнимали у крестьян имущество. В кампанию, развернутую против Южной Осетии, были вовлечены также грузинские владельцы Мачабели, опасавшиеся, что вслед за князьями Эристави они также будут лишены в Осетии феодальной собственности. Противостояние между грузинскими феодалами и населением Южной Осетии было столь острым, что в одной из стычек, происшедшей при сборе податей, дворянин Унтелов из Эристави был зарублен осетинскими крестьянами. Тифлисский губернатор был вынужден предупредить князей Эристави и Мачабели, «чтобы сим осетинам... не смели отнюдь делать никаких излишних поборов и притеснений». Подобные предупреждения, как и решения Александра I, грузинская знать рассматривала в виде новой политической тенденции, приводившей южных осетин под покровительство Петербурга. Понимая

ситуацию именно так, эриставские князья наряду с насилием, широко практиковавшимся, прибегали к уговорам и запугиванию местного населения. Так, Луарсаб Эристави, желая осложнить отношения российских властей с Южной Осетией и тем самым сорвать решение императора, внушал местному крестьянству, что российское командование намерено «брать осетин в рекрут», и призывал жителей к антироссийскому бунту.

Отмена указа Александра I

Вскоре выяснилось и другое. Командующий на Кавказе генерал Ртищев, еще осенью 1814 года описавший имения князей Эристовых в Южной Осетии, в январе 1815 года обратился с письмом, в котором он сообщал императору, что «остановился дальнейшим исполнением» монаршего «повеления... дабы в случаях каких-либо вредных происшествий самому мне не отвечать» перед императором; понятно, что, неисполнение повеления Александра I должно было рассматриваться как серьезный прецедент. Мы уже указывали на особенность, в которой находились российские власти в Тифлисе. Некогда местечковое поселение, Тифлис впервые стал обретать известность во второй половине XVIII века, когда Ираклий II под натиском горцев покинул Телави – столицу своего княжества и переселился в Тифлис. Город времен Ираклия II был столь уязвим, что он легко мог быть захвачен дагестанским владельцем Умма-ханом, заставившим жителей уплачивать контрибуцию до 60 тысяч туманов. В середине 90-х годов XVIII века Тифлис подвергся полному разрушению. Тогда российские войска под командованием В. Зубова, прибывшие в Грузию, чтобы приостановить геноцид грузин, восстановили Тифлис. К 1815 году, к моменту, когда генерал Ртищев как главнокомандующий расположился в Тифлисе, последний стал настоящим городом, центром политической жизни всего Кавказа. Поверхностное представление об этом городе в первой половине XIX века создавало впечатление, что в нем господствуют российские власти. На самом деле реальное властвование в Тифлисе, где процветали беззаконие, подкуп, взятки, интриги (все это делалось с присущей тавадам изощренностью), принадлежало грузинской знати; еще недавно лакействовавшая перед персидским шахом, по воле которого занималась грабежом своего народа, знать обрела феодальные владения, титулы и воинские звания, щедро раздариваемые Петербургом, и, подражая персидским сердарам, чисто внешне стала похожей на аристократию.

Генерал Ртищев, от которого Александр I ожидал выполнения своего предписания, в письмах убеждал монарха в невозможности «взятия в казну» владений, в свое время отведенных в Южной Осетии для эриставских князей. Командующий нарочито подчеркивал грозившую будто бы опасность для «всего здешнего края», если лишить эриставских и других грузинских тавадов феодальных владений в Южной Осетии. От прогнозов, рассчитанных на принятие другого, выгодного для него решения, командующий переходил ко лжи, утверждая, что «прочие» грузинские «фамилии» с «давних времен» имели «во владении осетин». О том, что это было не так и осетины не находились в феодальном владении у грузинских тавадов, генерал Ртищев хорошо знал – об этом он писал в Петербург еще летом 1814 года. Командующий не мог не знать и другое – об обстоятельствах, при которых Александр I в разгар грузинской фронды после присоединения Грузии к России отвел эриставским князьям земли в Южной Осетии. Несмотря на это, он пытался убедить императора в том, во что сам не верил, – в преданности России и усердии в службе грузинских Эристави. В одном из писем, обнаруженных осетинским историком З.Н. Ванеевым в Государственном историческом архиве Грузии, главнокомандующий сообщал императору как к нему, генералу Ртищеву, «явилась вся фамилия Эристави», в том числе дочери царя Ираклия II и Георгия XII, и «с растроганными чувствами и с прискорбным сердцем» спрашивали «чем они, столь преданные престолу, заслужили гнев царя». В письме, о котором идет речь, главнокомандующий Ртищев фактически полностью проявил всю свою особую заинтересованность в отмене императорского решения по Южной Осетии. Не имея для этого достаточных аргументов, он ссылаясь на собственную жалость, которую вызвали у него сетования эриставских князей по поводу потери ими владений в Южной Осетии: «Самый нечувствительный человек при сем виде не мог бы удержаться от слез», – писал генерал Ртищев императору. Однако в Петер-

бурге преобладали иные настроения по поводу сантиментов, переживавшихся в Тифлисе. Не исключено было, что в северной столице догадывались, по какой причине и по какому поводу главнокомандующий Ртищев, с необыкновенной легкостью казнивший осетинских и грузинских крестьян и обходившийся при этом без эмоций, был растроган «жалобами» князей и проливал свои слезы. Первое же письмо командующего с просьбой об отмене императорского решения по Южной Осетии было из монаршей канцелярии передано «на рассмотрение в Комитет министров». Решение последнего было кратким и повелительным: рескрипт Александра I от 31 августа 1814 года «привести в исполнение без отлагательства». Такое постановление Комитет министров принял еще летом 1815 года. Но главнокомандующий продолжал упорствовать, он под разными предлогами откладывал вопрос о лишении грузинских тавадов феодальных владельческих прав в Южной Осетии. Генерал Ртищев продолжал на имя императора посылать письма, доказывая особую важность вопроса об эриставских князьях, «отличивших себя усердною службою и получивших за заслуги» феодальные владения в Южной Осетии. В ноябре 1815 года главнокомандующий вновь получил из Петербурга распоряжение о немедленном лишении князей Эристовых владельческих прав. На этот раз повторное решение Комитета министров поступило к генералу Ртищеву через министра внутренних дел. В нем указывалось, что главнокомандующий в Тифлисе «не должен был ни по каким причинам останавливать исполнение высочайшего указа» от 31 августа 1814 года «о взятии имения князей Эристовых в казенное ведомство». Новое постановление Комитета министров предписывало генералу Ртищеву «подтвердить через министра внутренних дел» о безотлагательном исполнении императорского решения. Но главнокомандующий по-прежнему продолжал настойчиво защищать князей Эристави. У нас нет прямых данных, объясняющих позицию генерала Ртищева. Приводимые им официальные мотивы о «жалости», «слезах» и прочем явно были неубедительны. Реальными могли быть только два объяснения, в которых не мог признаться Ртищев. Известно, что российские чиновники, особенно в Тифлисе, занимались казнокрадством и взяточничеством в крупных масштабах. Не исключено, что генерал Ртищев, отказываясь выполнить решение монарха и тем серьезно рискуя собственной карьерой, был слишком связан взятками, которые к нему могли поступать не только от князей Эристави, но и от других феодалов, опасавшихся участи Эристави. Вторая версия, также просматривающаяся в переписке по делу о феодальных владениях в Южной Осетии, – это политическое давление грузинских тавадов, рассчитывавших на полное феодальное овладение югоосетинским крестьянством; в письмах генерал Ртищев указывал на значительные осложнения в крае, т. е. в Грузии, если лишить князей Эристави владельческих прав в Южной Осетии. Вполне было возможно и сочетание этих двух обстоятельств – подкупа и давления тавадов. Однако дальнейшие события развивались следующим образом. В конце 1815 года князья Эристави подали на имя Александра I прошение, в котором пожаловались на архиепископа Досифея, якобы ложно утверждавшего, что они, Эристави, были в Южной Осетии правителями, но не феодальными владельцами. Опровергая это, князья указывали на незначительность денежной компенсации, назначенной им, и сделали весьма важное признание: «...наследие» в Южной Осетии «невозможно вознаградить даже многими миллионами, так как оно бесценно...» Мы уже указывали, что грузинский феодализм и его носители – царевичи и тавады переживали несколько необычную стадию общественного развития. Характерной особенностью этого социального процесса являлась высокая степень агрессивности в стремлении к феодальной собственности, выработавшей свою особую идеологическую парадигму. Князья Эристави, писавшие свою жалобу Александру I, на уровне господствовавшей в Грузии феодальной идеологии на самом деле были уверены, что многомиллионное денежное вознаграждение не может являться для них эквивалентом в свое время дарованной им собственности, пускай даже приносившей всего несколько тысяч рублей дохода в год, потому что при этой замене теряется не только

феодалная собственность, но и феодалная власть, крайними формами насилия устанавливаемая. Считая так, князья не поднимали вопроса об увеличении им денежного возмещения, а обсуждали только один-единственный вариант – возвращение им феодалных владений.

Во имя сохранения феодалной собственности в Южной Осетии Эристави и помогавшие им тавады шли на любые уловки, подлоги и провокации. Так, князь Михаил Эристав, о котором генерал Ртищев писал как о верноподданном императора, и грузинские дворяне – Бокрудт, Хуцес, Глаха Пицхелаури прилагали немало усилий, чтобы поднять крестьянское движение в Южной Осетии, тем самым они надеялись сорвать исполнение решения Александра I, принятого императором по Южной Осетии. Провокация тавадам удалась, глава Верховного правительства Грузии генерал Ахвердов в ноябре 1814 года, в разгар обсуждения дела князей Эристави, доносил фельдмаршалу Гудовичу, бывшему командующему на Кавказе, о крестьянских выступлениях в Южной Осетии, направленных якобы против России. Фельдмаршал откликнулся моментально, он просил генерала Ахвердова обратиться к восставшим, среди которых были не только осетины, но и грузины и армяне, проживавшие в Южной Осетии, и от его имени потребовать от них «разойтись» и «для личных объяснений» прислать к нему, Гудовичу, осетинских старшин; несмотря на сложности, фельдмаршал Гудович оставил в Южной Осетии хорошее к себе расположение. Поручение Гудовича правитель Грузии передал для исполнения ананурскому исправнику, т. е. начальнику уездной полиции. Исправник увидел в осетинском селении Алхангори около двух тысяч повстанцев, расставивших на границе «караулы для недопущения» в Ксанское ущелье князей Эристовых. При встрече с ананурским исправником участники восстания «объявили», «что против правительства они не делают никаких противностей, кроме Эриставым». Несмотря на это заявление, правитель Грузии генерал Ахвердов в своем рапорте Гудовичу не скупился на различного рода обвинения, в том числе в якобы антироссийском выступлении осетин, и просил фельдмаршала о введении в Южную Осетию российских войск, чтобы «силою оружия привести их (осетин. – М. Б.) в покорность». Но фельдмаршал отказал генералу Ахвердову в вооруженном отряде, объяснив, что в этом нет смысла. Тем не менее управителю Грузии удалось собственными силами подавить в Южной Осетии восстание, направленное против князей Эристави. Генерал Ахвердов требовал также от российских властей строгих наказаний в отношении 22 осетин, которых он обвинял как «зачинщиков» восстания. Но Ахвердову было отказано и в этом, поскольку российская администрация знала, что главным фигурантом, остававшимся в тени и инициировавшим восстание, был князь Михаил Эристав. Стоит отметить, что грузинские дворяне Бокрудт, Хуцес и Глаха Пицхелаури, принадлежащие к азнаурской партии, также участвовали в восстании осетин, однако преследовали свои собственные цели, вынашиваемые ими в отношении Южной Осетии.

Дело князей Эристави в связи с распоряжением императора о лишении их феодалных прав в Южной Осетии, однако, имело продолжение. Оно развивалось по традиционной грузинской схеме, с которой ни Петербург, ни восседавший здесь император были не в состоянии справиться. В начале 1816 года Комитет министров вновь вернулся к вопросу о Южной Осетии и владениях в ней князей Эристави. На заседании Комитета с докладом выступил А.А. Аракчеев, к этому времени ставший фактическим руководителем государства. Было ясно, что привлечение столь высокого чиновника, каким был Аракчеев, к специальному докладу по Южной Осетии продиктовано тактическими соображениями, призванными дистанцировать императора, как «запутавшегося» в югоосетинской проблеме, от упорного сопротивления, которое оказывали его решениям главнокомандующий на Кавказе и грузинская знать. Суть доклада Аракчеева сводилась к предложению, состоявшему из двух пунктов: а) приказать генералу Ртищеву приостановить передачу имений князей Эристави в Южной Осетии в собственность государства; б) поручить главнокомандующему на Кавказе поставить вопрос о феодалных правах князей Эристави, а также миссионерской дея-

тельности осетинской духовной Комиссии в Южной Осетии на обсуждение общего собрания Синодальной Конторы и Верховного грузинского правительства. Таким образом всю проблему Южной Осетии замыкали на генерале Ртищеве, из чего становилось понятно, в каком русле должны были развиваться события. Но этим не ограничивался замысел Аракчеева. Спасая престиж императора, он в запасе имел в виду еще и отставку главнокомандующего на Кавказе, однако лишь после того, когда последний сыграет свою роль по свертыванию вопроса о Южной Осетии. Ловко продуманная схема выхода из положения позволила Аракчееву отвести удары не только от Александра I, но и от Комитета министров, ранее настаивавшего на выполнении распоряжения императора. Заметно было и другое – не все министры смогли до конца усвоить «подтексты» доклада Аракчеева, поскольку многое им было неизвестно, например, об отставке Ртищева и новой кандидатуре главнокомандующего, которому, по замыслу Аракчеева, предстояло пересмотреть всю политику России на Кавказе. К числу тех, для кого всемогущий Аракчеев остался «непрочитанным», относился и обер-прокурор Синода Голицын. Он продолжал отстаивать прежнее решение своего друга-императора, пытаясь обосновать свою позицию простыми и всем понятными аргументами. В частности, он напомнил, что императорский рескрипт по поводу лишения князей Эристави феодальных прав стал известен на Кавказе, в связи с чем осетины даже «принесли благодарность за дарованную свободу», и задал вопрос – «какие причины найти можно, чтобы объявить им (осетинам. – М. Б.) теперь, что они должны быть в подданстве князей Эристави». Князь Голицын, хорошо знавший проблему, приводил и другой важный аргумент, подтверждавший разумность ранее принятого решения по поводу лишения князей Эристави феодальных прав в Южной Осетии. В частности, он напоминал о том, что после императорского указа, согласно которому в свое время Эристави были предоставлены в Южной Осетии владения, то есть после того, как осетины оказались в «подданстве» князей, «они (осетины. – М.Б.) бунтовали» и выступали не только против Эристави, но и российских властей. Голицын сослался также на то, как непросто было подавить тогда оружием массовый бунт в Южной Осетии. Он уверял Аракчеева и Комитет министров, что отмена последнего распоряжения императора и новое возвращение князьям Эристави феодальных прав в Южной Осетии подорвет среди «горских народов» «доверие к российскому правительству». У князя Голицына были два конкретных предложения для Комитета министров: а) вернуться к вопросу о размере денежного вознаграждения князьям Эристави за лишение их феодальных прав; б) царский рескрипт по поводу лишения феодального присутствия Эристави в Южной Осетии привести в исполнение. Однако князь Голицын, вносивший наиболее разумные предложения, остался в одиночестве. Комитет министров, фактически находившийся под эгидой Аракчеева, не согласился с доводами Голицына и принял решение, предписывавшее генералу Ртищеву приостановить «отобрание в казну имения князей Эристави» в Южной Осетии. Вскоре генерал Ртищев был отстранен от должности главнокомандующего, и, как и предполагалось, на его место по рекомендации Аракчеева получил назначение А.П. Ермолов, еще в 1796 году в составе отряда В. Зубова участвовавший в освобождении Грузии от нашествия Ага-Мухаммед-хана. Покидая Тифлис, Ртищев направил Александру I рапорт; он сообщал императору о том, какой голодающей и разоренной он застал Грузию, заняв пост главнокомандующего края, и описывал, в каком «цветущем состоянии» ее оставляет. А. Берже резко возражал Ртищеву, считая, что Грузия, пережившая со времен Ага-Мухаммед-хана тяжелое разорение, перенесла страшный голод и несколько вспышек холеры и чумы. Именно в этом состоянии и оставлял генерал Ртищев Грузию. Единственное достижение, которое этот генерал имел, – организация «кормления» грузинской знати за счет войскового довольствия, поступавшего в Тифлис для 28-тысячной русской армии, занятой ведением войны с Турцией и Персией.

А.П. Ермолов: политика в Грузии и Южной Осетии

Новый главнокомандующий с воодушевлением принял командование на Кавказе; никакая должность не отвечала столь амбициозным запросам и самому характеру Ермолова, как служба в крае, полном экзотики, батальных сюжетов и поводов для славы. Назначение Ермолова главнокомандующим на Кавказе состоялось еще в начале 1816 года, однако исполнение этой должности фактически откладывалось до следующего года, поскольку состоялось еще одно его назначение – чрезвычайным и полномочным послом в Персию «для устройства... пограничных дел и решения других... вопросов». При этом Ермолову предписывалось в первый год «всецело отдаться» второй должности, что касается первой, то он был обязан ограничиться ознакомлением с краем. На время до возвращения Ермолова из Персии исполнение обязанностей главнокомандующего возлагалось на генерала А.П. Кутузова. Несмотря на такую «схему» деятельности генерала Ермолова, спущенную ему из Канцелярии Александра I, уже 9 мая 1816 года Аракчеев вручил своему выдвиженцу все бумаги, связанные с делом князей Эристави. В них содержались две копии с решениями Комитета министров о князьях Эристави и об учреждении Осетинской духовной комиссии, призванной заниматься в Южной Осетии миссионерской деятельностью. Судя по всему, Аракчеев рассчитывал, что генерал Ермолов, как только прибудет в Тифлис, займется делом князей Эристовых, поскольку не исключено было, что последние вновь спровоцируют антироссийские выступления крестьян. Но главнокомандующий успел лишь ознакомить Верховное правительство Грузии и членов Синодальной канторы в Тифлисе с решениями Комитета министров и сообщить о намерении обсудить на общем собрании грузинских властей эти решения. Вскоре генерал Ермолов был вынужден выехать в Тегеран и к вопросам, связанным с феодальными владениями грузинских князей в Южной Осетии, вернулся только в середине ноября 1816 года, когда он приступил к исполнению обязанностей главнокомандующего. Можно было допустить, что такой перерыв в обсуждении сложных вопросов, какими были взаимоотношения грузинских князей с Южной Осетией, вполне устраивал самого главнокомандующего на Кавказе. Осенью 1816 года Ермолов провел в Тифлисе собрание Верховного правительства Грузии и членов Синодальной канторы. На нем присутствовал также архиепископ Досифей. Понятно, что вопрос о Южной Осетии обсуждался с грузинской знатью, что же до осетинской стороны, то с ней не принято было считаться. Российские власти, избравшие местом своего пребывания Тифлис, ежедневно испытывали напористое давление со стороны феодальных сил, вовлеченных в жесткую борьбу за собственность и привилегии. Объяснялось это давление не только особой агрессивностью знати, стремившейся с помощью российских властей повысить свой социальный вес, но и тяжелым экономическим положением, в котором Грузия продолжала находиться. Грузинская знать, по сути, ставила перед российской администрацией вопрос о новом распределении феодальных владений и всеобщем охвате грузинских и осетинских сел помещичьим господством. В этой непростой ситуации приходилось новому главнокомандующему рассматривать вопросы о феодальных правах не только князей Эристави, но и не в меру большого отряда претендентов на статус князя или же помещика. Что касается князей Эристави, то у Ермолова еще с Петербурга была готовая позиция, сводившаяся к поддержке Аракчеева, которому он был обязан возвращением к серьезной военно-политической деятельности. Истина заключалась также в том, что ни Аракчеев, ни тем более Ермолов в решении дела князей Эристави не видели каких-либо личных выгод для себя, а в поисках политической опоры думали заполучить поддержку у грузинской знати и тем самым создать в Грузии такую же социальную базу для самодержавной власти, какая существовала в самой России. При этом, конечно же, не рассматри-

вался столь сложный аспект проблемы, каким являлась принадлежность российского и грузинского феодализма к принципиально разным моделям общественной организации.

На осеннем собрании Верховного правительства Грузии и Синодальной конторы Ермолов, естественно, находил полное понимание со стороны знати, относившейся к «первостепенной», однако ему приходилось вести полемику с архиепископом Досифеем, настаивавшим на лишении феодальных прав в Южной Осетии не только князей Эристави, но и другой родовой группы грузинских князей Мачабели. На этом этапе обсуждения вопроса архиепископ не ссыался более на независимость Южной Осетии от грузинских князей. Основным же аргументом, приводившимся Досифеем при требовании лишить князей Эристави и Мачабели феодальных прав в Южной Осетии, являлся религиозный – архиепископ утверждал, что жестокая эксплуатация и частые недозволенные насилия князей «отворачивают» осетин от христианства, срывают деятельность Осетинской духовной комиссии. Развивая эту мысль, Досифей указывал на то, что восстановление прав князей Эристави вызывает у осетин страх, они считают, что каждый, кто примет христианство, обязательно будет отдан феодалу. Он настаивал на том, чтобы исполнить императорский рескрипт и лишить грузинских князей владельческих прав в Южной Осетии. В связи с этим Досифей поднял также вопрос о денежном вознаграждении и требовал, чтобы его размер был увеличен до такой суммы, на которую бы согласились князья. Наконец, архиепископ приводил конкретные факты насилия, которые позволяли себе Эристави в Южной Осетии, в частности – практику продажи осетин в Турцию и Персию.

Главным адвокатом Эристави и Мачабели, защищавшим интересы грузинских князей, был сам главнокомандующий.

Объясняя свою позицию императору, Ермолов признавался, что он действовал вразрез решениям Комитета министров. Несмотря на это, генерал Ермолов, хорошо подготовленный грузинскими властями, как «бывалый» кавказец проводил собрание в Тифлисе при формальном соблюдении чисто внешней непредвзятости. Например, он, как требовал того Досифей, сначала отвел князей Эристави от участия в работе собрания, а затем пригласил их, когда архиепископ выдвинул вопрос о денежном для них вознаграждении; сразу же отметим – князья наотрез отказались от какой-либо компенсации, заявив, что, даже лишаясь владений в Южной Осетии, они готовы жертвовать «своими владениями», если того пожелает император, и ничего не потребуют взамен. Такое «бескорыстие» – достаточное свидетельство того, что князья Эристави, а вслед за ними и все другие представители знати не опасались за исход своего дела. Архиепископ Досифей также хорошо видел, что он фактически остался один на том собрании, на котором лишь формально обсуждался вопрос о феодальных правах князей Эристави в Южной Осетии. Впрочем, сам архиепископ не проявлял особого беспокойства ни по поводу положения осетинского населения, подпадавшего под ничем не ограниченный гнет эриставских феодалов, ни даже по поводу судьбы Осетинской духовной комиссии. Со стороны Досифея борьба против князей Эристави и Мачабели являлась продолжением столкновения азнаурской феодальной группировки с тавадами за раздел Южной Осетии. На том же собрании, проводимом Ермоловым, Досифей, видя бесполезность приведенных им аргументов, был вынужден открыть свои подлинные социальные мотивы, которыми он руководствовался, вступая в полемику с главнокомандующим. Вначале он согласился на то, что еще в 1803 году, когда император предоставлял князьям Эристави владения в Южной Осетии, были забыты интересы других грузинских дворян, также желавших иметь владения в Южной Осетии. Генерал Ермолов отвел эту «претензию» архиепископа, сославшись на то, что вопрос о предоставлении владений не входит в компетенцию собрания. Тогда Досифей обратился к Ермолову с просьбой, чтобы он лично рассмотрел вопрос о предоставлении феодальных владений в Южной Осетии для дворян – «его родственников».

После собрания в Тифлисе главнокомандующий представил Александру I полный отчет о ходе обсуждения дела князей Эристави и принятом решении. На основании этого отчета в феврале 1817 года последовало «высочайшее повеление», в котором император, дезавуировав свой августовский указ 1814 года, объявил: «...указа моего от 31 августа 1814 года в исполнение не приводить... оставить по-прежнему во владение князей Эристовых на основании указа моего 5 мая 1803 года». Дело князей Эристовых, столь долго рассматривавшееся в самых высоких инстанциях, только внешне казалось частным, «эристовским». В сущности, речь шла о весьма важной проблеме взаимоотношений Петербурга с грузинской знатью. Как уже отмечалось, в основе глубоких, но едва видимых сторонами расхождений просматривалось столкновение двух моделей феодализма – российского и грузинского. Российский феодализм, базировавшийся на феодальной собственности на основные средства производства, в первую очередь на землю, создавал барщинное хозяйство и институт крепостничества. Несмотря на бесправие крестьян, в российском феодализме государство, выступая в качестве посредника, вело к регламентации правовых и социальных отношений, складывавшихся между феодалом и крестьянином. Само крепостное право вырастало из экономических процессов и законодательных норм государства и не было лишено правовой регламентации. Принципиально иная система феодализма складывалась в Грузии, в особенности в восточной ее части. Став в 1519 году одной из провинций Ирана, Грузия оказалась в жесткой системе восточного феодализма. Особенностью «сефевидского» феодализма являлось формирование его под знаменем агрессивных идеологических установок шиизма и создание в нем в качестве преобладающей формы государственной земельной собственности – дивани и шахских хассе. При такой форме собственности происходила раздача служилым людям земли в виде персонального и пожизненного титула, но не наследственного, и без административного иммунитета. В сущности, Грузия и грузинская земля, подпавшие под господство персидского шаха, представляли собой собственность Сефевидов, и в этих условиях грузинские цари, как служащие Персии, получали землю от шаха в качестве титула. Уже отмечалось – Ираклий II пытался освободиться от подобной зависимости и, оставаясь в рамках «сефевидского» феодализма, стремился централизовать земельную собственность и таким способом обрести административный иммунитет. Тем самым Ираклий II замахнулся на основы иранской государственности, что и стало главной причиной, по которой Ага-Мухаммед-хан в 1795 году устроил резню в Грузии.

Можно быть уверенным, что в Петербурге не совсем понимали причину отказа князей Эристави от очевидно выгодной сделки, при которой предлагаемая денежная компенсация за имения в Южной Осетии намного превосходила доходы от крестьянских повинностей. На самом деле такая компенсация означала для князей переход в крайне непривычное, нетрадиционное социальное положение, лишение их «титулованности» в сугубо персидском ее значении, введение для грузинской знати незнакомых ей принципов в отношениях с государством, правомочным, как ей казалось, наделять феодальным правом владения землей.

Аракчеев в Петербурге, а Ермолов на Кавказе не подозревали, что, отменяя указ Александра I о лишении князей Эристави феодальных владений в Южной Осетии, они вместе с грузинской знатью отказываются от российских форм феодализма и утверждают в Грузии привычную ей феодальную систему владения землей и вытекающую из нее систему господства и подчинения.

Как уже указывалось, на особенностях персидского феодализма основывался шахский деспотизм. Однако особая форма феодальной собственности, на которой покоился шахский деспотизм, не являлась единственным элементом в завершенном деспотическом режиме Персии, в том числе Грузии, принадлежащей шаху. Известно, что любая форма деспотизма, помимо соответствующих ей отношений к собственности, как правило, имеет жесткие политико-идеологические установки, со временем приобретающие характер жиз-

ненного уклада, перерастающего в устойчивую традицию. Важнейшей составляющей персидского деспотизма являлась религиозно-социальная система «шах-хассе», насаждавшаяся с XVI века в Грузии. Поясним: термин «хассе» (в единственном числе произносится как ал-хасса) означает «избранные», «знать», «элита». Получая от шаха землю, соответствующий титул и «подданных» крестьян, человек попадал в ранг хассе, который отныне возвышал его неким особым происхождением и социальным положением над «ал-амма», т. е. над «толпой», «простым людом». Четко разделив общество на «шах-хассе» – избранных шахом и на «ал-аввами» (в единственном числе – ал-амма), шах создавал не только социальную опору, но одновременно насаждал идеологию презрения к «ал-аввами» («толпе»), из которой вырастала мизантропическая традиция. Устойчивость – одна из важных ее свойств. Так, если Ага-Мухаммед-хан в XVIII веке любил строить из человеческих голов шатер, который обычно венчала голова провинившегося вассала, то в начале 80-х годов XX века Рохулла Хомейни, аятолла шиитов Ирана, совершивший «демократическую революцию» в стране, на тегеранском кладбище воздвиг фонтан, работавший, по свидетельству немецкого журналиста, «на человеческой крови». Процветание мизантропии происходило главным образом в сфере социальных противоречий и политической борьбы. Несмотря на то что Грузия (ее восточные провинции) была Сефевидами разделена на два социальных слоя – «шах-хассе» и «ал-аввами», однако, оставаясь страной иной религиозной системы, она периодически подвергалась геноциду. Самыми тяжелыми из них были геноцид начала XVII века, устроенный шахом Аббасом, и 1795 года при Каджарском Ага-Мухаммед-хане. Изогранные методы геноцида, предпринимавшиеся в отношении сателлитов Персидского государства, широко использовались также во внутривосточной борьбе, которая традиционно носила напряженный характер; антифеодальное народное восстание в XVI веке в Гиляне, тогда же восстание ремесленников в Тебризе положили начало череде социальных потрясений, происходивших на протяжении всей истории Ирана. В этих условиях вплоть до новейшей истории были живучи при шахском дворе изощренные пытки, применявшиеся в Персии в отношении представителей противостоящих режиму политических сил. В начале 50-х годов XX века обошли весь мир фотографии, запечатлевшие, как надрессированные медведи насиловали женщин в присутствии их арестованных мужей. Столь стабильная мизантропическая традиция насаждалась веками не только в самой Персии, но и с еще большим ожесточением – в странах-сателлитах. Исключением не являлась и Грузия, где, как и внутри Персии, носителями этой традиции являлись цари и тавады, относившиеся к разряду «ал-хаввасс». Участие последних в геноциде собственного народа в 1795 году, устраиваемые ими засады и захват беглых простых грузин, пытавшихся спастись от нависшей опасности, свидетельствовали о степени внедрения в тавадскую среду мизантропической идеологии. Сделать засаду и ограбить крестьянина, иногда ничего не имевшего при себе, кроме ветхой одежды, как то происходило в Грузии в 1795 году, было в правилах «высшей» грузинской знати. Подобное занятие находило особое распространение в Южной Осетии, где произвол чинили главным образом князья Эристава и Мачабели.

Начальник карательного отряда капитан Титов, известный своими жестокими экспедициями в Южную Осетию, немало был изумлен разбойными нападениями грузинского князя Теймураза Мачабелова. В 1811 году он подал на имя полковника Котляровского рапорт, в котором сообщал, как Теймураз Мачабелов «поймал» «на дороге идущего из Цхинвала» «осетина Иотта Козаева», «отобрал у него бурку – 1, саблю – 1, шаровары – 1, мотыги – 2, кушаки – 1, соли – 2 фунта, еще требовал от него 4-х быков, баранов и ружье».

Иотта Козаев жаловался, что он князю Мачабелову ничего не должен, но «он грабит всегда нас, уже и не одного на дороге ловит и держит под караулом до тех пор, пока быка или барана приведут без всякой причины». Установив действительную распространенность этой практики, которой занимался грузинский князь, капитан Титов потребовал, чтобы к

нему явился Теймураз Мачабелов, на что последний ответил: «...я сего знать не хочу», т. е. в сугубо княжеско-фанаберийском стиле.

Однако вернемся к событиям, происходившим в Грузии и Южной Осетии, в их хронологическом развитии. Узнав о том, как положительно решается вопрос о феодальных правах грузинских князей в Южной Осетии, тут же усилили свой гнет и произвол Мачабели. Весной 1817 года житель осетинского села Хурвалети Теодор Тавгазов жаловался генералу Ермолову, как 16 лет батрачил его отец, затем как он и его три брата, «казенные крестьяне, христиане», были преследуемы «поселившимся поблизости» Койхосро Палавандашвили, пытавшимся их отца «сделать своим крепостным». Сбежав от него, семья поселилась «в Присах», но здесь ожидали их еще большие неприятности. Два брата из княжеского рода Мачабели – Михаил и знакомый нам Теймураз «бросили жребий», по которому поделили между собой братьев Тавгазовых. Свое положение у князей Теодор Тавгазов выразил в безысходном вопле – «мучают нас». Он сообщал главнокомандующему, как у Теймураза Мачабели остановились «четыре ахалцыхских турка» и как князь похитил четырех его «двоюродных родственников» и продал их заезжим купцам. По свидетельству крестьянина Тавгазова, Мачабели «принуждал» 12 членов его семьи принять магометанство, чтобы легче было их продать в Персию или Турцию. Расследование этих фактов грузинский губернатор К.Ф. Сталь поручил майору Титову, горийскому окружному начальнику. Оно выявило, что Мачабеловы – Теймураз, Михаил и Григорий, создавшие отряд из местных жителей, куда входил также Теодор Тавгазов – автор жалобы, занимались захватом людей и их продажей не только за границу, но и в пределах самой Грузии. Горийский начальник считал, что Мачабели «за сделанный поступок должны быть судимы», и дело князей передал в Горийский суд. Однако с приходом на Кавказ Ермолова существовало негласное правило, согласно которому представители тавадов обладали иммунитетом и не подлежали судебному разбирательству.

По более жесткому и болезненному сценарию развивались события, связанные с возвращением князей Эристави в статус «полноправных» владельцев. Было очевидно, что новое объявление феодальных прав Эристовых будет встречено со стороны Южной Осетии явным недовольством крестьян. Ясно было и другое – окрыленные поддержкой российских властей, Эристовы будут намерены сразу же подавить сопротивление осетинского населения и заявить о новых своих притязаниях. После весеннего собрания в Тифлисе князь Эристави перед Ермоловым ставили вопрос о карательной экспедиции, чтобы с нее начать более основательное феодальное освоение Южной Осетии. Главнокомандующий, однако, не находил повода, по которому российские войска предприняли бы карательные меры. Обвинения осетин в воровстве, разбоях и похищении скота без указания конкретных фактов и виновных, занимавшихся подобным промыслом, были неубедительны и просьбы об экспедиции не находили поддержки. Наконец случай представился. Крестьяне Южной Осетии, не признавая за грузинскими князьями прав, отказывались нести повинности. Особое сопротивление проявляли жители местности Магландвалети, расположенной у Главного Кавказского хребта. Именно в этот отдаленный район Южной Осетии было решено направить карательный отряд. Его подготовкой занимался генерал А.П. Кутузов. Возглавил отряд Георгий Эристави, удостоенный российским командованием звания генерала. В составе его отряда находилась одна рота Херсонского гренадерского полка с одним легким оружием и более тысячи грузинских милиционеров из Карталинии. Поскольку Южная Осетия, не признававшая феодального господства грузинских князей, рассматривалась как «непокорная», то в задачу отряда входило «приведение осетин в подданство». Генерал Эристави понимал это как «наказание» южных осетин с целью «усмирения». Отряд выступил в конце сентября 1817 года. Он прошел мирно через Южную Осетию и вступил в Джамурское ущелье. Погромы должны были начаться с Магландвалети; чтобы достичь ее, отряду предстояло пройти через перевал Кного. Но именно на этом перевале он был неожиданно настигнут

бурей и снежной стихией. Отряд понес немалые жертвы, и князь Эристави с остатками спасшихся людей был вынужден без своего боевого снаряжения, оставленного на перевале, покинуть Южную Осетию. Происшедшее в Кного в Петербурге расценивали как катастрофу, и главнокомандующему пришлось дать объяснения по поводу случившегося. Экспедиция, являвшаяся результатом инициатив князя Эристави, своими неожиданными последствиями превратилась в «затею» Ермолова. Амбициозный генерал, приехавший на Кавказ за боевой славой, был немало уязвлен тем, что первое при нем военное предприятие, в сущности ему не принадлежавшее, своей громкой неудачей повисло на нем. Но, судя по последующим событиям, «злость» генерала Ермолова направлялась не в сторону главного виновника катастрофы – князя Эристави, а в сторону осетин, непокорных «своим помещикам».

Экспедиция генерала Эристави вызывалась не только идеей вооруженного подчинения югоосетинских крестьян и объявления последним непомерных повинностей. Не в меньшей степени, чем непокорность осетин, князей Эристави беспокоила открывшаяся после весеннего собрания, проведенного Ермоловым в Тифлисе, борьба за Южную Осетию, за ее земли и крестьян. Наряду с азнаурской феодальной группировкой, продолжавшей добиваться феодальных владений, к этой кампании подключилась грузинская царевна Анастасия. Последняя с полным знанием «истории вопроса», связанного с правами владения землей и крестьянами в Южной Осетии, так же, как и архиепископ Досифей, подвергала сомнению законность прав князей Эристави над осетинскими селами. Вдова коллежского советника князя Реваза Эристави, царевна обратилась к Ермолову с просьбой вернуть ей осетинских крестьян, в свое время отнятых Ираклием II у князей Эристави. Она привела справку, подтвердившую, что «около 41 года» «принадлежавшие князьям Эристовым» владения «грузинским царем Ираклием были отобраны все без изъятия» и всего 14 лет прошло с тех пор, как российский император наделил их в Южной Осетии княжескими владениями. Царевна Анастасия требовала объяснения, «на каком основании возвращено имение князьям Эристовым, отобранное грузинским царем». Обращение царевны было весной 1819 года, однако видно, что вопросы об Эристовых и их владениях ею ставились и ранее. Новое ходатайство Анастасии не могло не вызвать среди князей Эристовых обоснованной тревоги. Оно одновременно стало поводом для повторной попытки «покорения» Южной Осетии, чтобы «записать» себе в заслугу «приведение осетин в подданство» России; стоит сказать, с 1774 года Южная Осетия, как и другие части Осетии, рассматривала себя в составе России.

Не менее важной причиной, побуждавшей князей Эристовых ходатайствовать о новой карательной экспедиции в Южную Осетию, являлась активизировавшаяся деятельность грузинского духовенства среди южных осетин. Стремление архиепископа Досифея к лишению грузинских князей феодальных прав в Южной Осетии и установлению в ней своего собственного господства получило широкую поддержку среди грузинского духовенства. Дело здесь дошло до резких заявлений генерала Ермолова, запрещающих духовным лицам вмешиваться в светские дела. Однако контролировать священников, работавших с населением, было достаточно сложно. По свидетельству самого Ермолова, «духовная Осетинская комиссия, имевшая влияние на осетин... вмешивается в дела до правительства относящиеся, входит в недолжное разбирательство и удаляет не токмо местное начальство от завладения осетинами, но лишает права даже самих помещиков на владение ими... и что князья, дворяне и заслуживают уважение старшин... сами слышали внушения... к осетинам, что принявшие святое крещение из осетин никому более не принадлежат, как только казне, и ни один уже бывший до сего их помещик не вправе взыскивать с таковых какую-либо повинность». Подобная деятельность духовной комиссии столь накалила обстановку в Южной Осетии, что приехавший сюда горийский окружной начальник был бойкотирован местным населением; окружному начальнику было заявлено, «что не знают его», «а знают одного только архимандрита, которому и будут повиноваться».

Подобные заявления южных осетин были достаточным «основанием» для организации против них карательных мер. Однако администрация Ермолова не решалась идти на противостояние с духовенством и, объясняя необходимость военной экспедиции против осетин, умалчивала об истинных мотивах карательных мер. Главным инициатором похода в Южную Осетию на этот раз был сам горийский окружной начальник Титов. Выдворенный из Южной Осетии, он стал сближаться с грузинскими князьями и, сотрудничая с ними, активно взялся за покорение осетин. Он прибег к обычной форме обвинений – «непокорности», «грабежах» осетин, о чем доносил в Тифлис. Управляющий гражданской частью в Грузии генерал И.А. Вельяминов согласился на отправку в Южную Осетию одной роты солдат. Не вполне разделявший решение о карательных мерах против осетин генерал Р.И. Ховен, исполнявший обязанности грузинского губернатора, требовал от окружного начальника Титова, чтобы он привлек осетинских старшин к «укрощению беспокойных людей». Однако горийский начальник, явно подогреваемый грузинскими князьями, настаивал на карательных мерах. Генерал еще раз подтвердил свое распоряжение о предоставлении Титову воинской команды. Губернатор дал свое согласие, но просил применять военную силу лишь «в необходимых случаях». Переписка по поводу карательной экспедиции заняла более полугода и свидетельствовала о том, что «воровство» и «грабежи», о которых писал 7окружной начальник, не так уж остро ставили вопрос о вооруженной экспедиции.

В середине января 1820 года Титов с командой, состоявшей из 100 человек, совершил экспедицию по Южной Осетии. Пожалуй, впервые он применил к осетинам, считавшим себя свободными, российские меры наказания – одиннадцать из них избил шпицрутенами, многих подверг арестам. Вскоре отряд Титова встретил вооруженное сопротивление и он, опасаясь разгрома, поспешил отступить в Гори. По мысли окружного начальника, оставшегося недовольным результатами своей экспедиции, в январе он не имел достаточных сил, чтобы решить задачи, стоявшие перед экспедицией. Титов думал пополнить свой отряд и вновь направиться в Южную Осетию. Завязалась новая переписка между окружным начальником и командованием в Тифлисе по поводу повторной карательной экспедиции. Было очевидно, что на этот раз Титов будет не одинок, с ним готовы были идти отряды грузинских князей с намерением подвергнуть Южную Осетию разбойному грабежу. Осень считалась самым подходящим временем для подобной экспедиции. В это время года в осетинских селах было заготовлено продовольствие на зимнее время, скот набирал вес, и на Кавказе начинался сезон вооруженных набегов. В них участвовали все, кто располагал воинской силой. Под предлогом «усмирения» горцев или же для «приведения к присяге» к вооруженным нападениям на мирных жителей подключалось главным образом среднее звено российского офицерства. Естественно, на подобный поход, называвшийся карательной экспедицией, разрешение необходимо было получить от командования в Тифлисе.

Горийский окружной начальник Титов просил на начало ноября 1820 года воинские силы для вооруженной экспедиции в Южную Осетию. Но грузинский губернатор генерал Ховен, не сомневавшийся в истинных целях Титова, со ссылкой на Ермолова не дал своего согласия, чтобы «отправиться в Осетию для наказания осетин». Тогда к главнокомандующему стали обращаться грузинские князья. Жалуясь на то, что осетинские села не платят им повинности и у крестьян образовались большие долги, они требовали карательных мер и просили разрешения на экспедицию в Южную Осетию.

Настойчивость князей и помещиков, на самом же деле титулованных насильников, возымела действие. Главнокомандующий мог отказать окружному начальнику, но не князьям, которым в российской политике отводилось слишком важное место. В официальных донесениях, исходивших от самого Титова, в феврале 1821 года во главе роты Херсонского гренадерского полка, в которую входило 200 военных, окружной начальник «прошел» по ущельям Меджудскому, Патрийскому и Мало-Лиахвскому: отобрал у жителей Южной Ос-

тии имущество и скота ценой в 4000 рублей серебром, ячменя 1600 пудов; «арестовал много крестьян», «чтобы поселить в народах осетинских на будущее время более страха». Отчет Титова о его вооруженном марше по Южной Осетии был вполне «выдержан» в формате, в котором разрешались обычные, так называемые средние карательные экспедиции. В отчете он подчеркивал, что все, что изъят у крестьян, предназначает для «удовлетворения» жителей Горийского округа. Среди «трофеев», которыми хвалился Титов, было «много крестьян», их он предлагал распределить по российским полкам. Титов не указывал количество арестованных, очевидно, столь внушительное, что генерал Вельяминов считал невозможным их размещение в частях командования. Подобный тон отчета у окружного начальника имел особый смысл – им он прикрывал главные сведения об экспедиции и пытался обосновать продолжение карательных мер в Южной Осетии. Титов просил генерала Вельяминова дать ему разрешение направить вооруженный отряд также в другие ущелья Южной Осетии – Чривское, Чесельтское и по Большой Лиахве. Получив одобрение, он поспешил к Большой Лиахве, однако на этот раз его отряды встретили упорное сопротивление со стороны местного населения, выставившего войско численностью 1500 человек. Судя по упорным боям, происходившим за села на Большой Лиахве, отряд Титова состоял не из 200 солдат, как писал он в отчете, а более чем из тысячи человек. Позже стало ясно, что наряду с небольшим русским отрядом в Южной Осетии действовали грузинские войска, участие которых тщательно скрывалось. Духовные лица Бакрадзе и Церадзе подтверждали, что нападение соединенными силами российско-грузинских войск на Южную Осетию являлось настоящим «нашествием» и сопровождалось разрушением или же сожжением населенных пунктов, а там, где войска не успевали добиться этого, они занимались расхищением имущества. Митрополит Феофилакт доносил обер-прокурору Голицыну, а последний писал генералу Вельяминову о многочисленных жертвах, разрушениях и 21 расхищенном населенном пункте. Экзарх Грузии, в свою очередь, официально сделал запрос на имя генерала Ховена – «какими поступками новокрещенные осетины навлекли на себя столь жестокое наказание?» Такой вопрос был тем более уместен, что еще годом раньше (в июне 1820 года) осетины Южной Осетии обратились через митрополита Феофилакта с просьбой «чтобы определить чиновников для производства между ними суда и расправы». Тогда же они ставили вопрос, «чтобы желающим из них позволено было селиться на землях казенных по Карталинии и других местах»; стремление переселиться на казенные земли объяснялось желанием остаться независимыми от грузинских феодалов. Обращение самих осетин к российским властям об учреждении судопроизводства, других административных учреждений и относительно поселения на государственной земле явно подчеркивало, что население Южной Осетии осознает себя подданными России и не нуждается в «покорении» и «приведении в подданство». По оценке обер-прокурора Голицына, после «нашествия» российских и грузинских войск в Южную Осетию жители ее «находились» «в жалком положении, скорбят и ропщут». В переписке между князем Голицыным и генералом Вельяминовым хорошо прослеживается тщательное сокрытие со стороны командования участия в разорительной для южных осетин экспедиции грузинских князей Эристава. Это было важно, поскольку официальное разрешение участвовать в карательных мерах было дано Титову с привлечением всего 200 солдат. Генерал Вельяминов утверждал, что осетин, участвовавших в сопротивлении отряду Титова, было «несколько тысяч». Генерал-лейтенант И.А. Вельяминов относился к образованным и к честным офицерам. Его отличали прямота характера и стремление к разумным и взвешенным решениям. Оправдывая действия Титова в Южной Осетии и вслед за ним идя на ложь, он напоминал заложника, оказавшегося в непростой ситуации. Сложность ее заключалась в том, что во втором этапе экспедиции Титова, разрешенном Вельяминовым, особенно жестокими явились разрушения и расхищение имущества жителей. Такое было бы не под силу одной роте солдат, против которых действовало «несколько тысяч» осетин. Обер-про-

курор Синода Голицын, которому давал объяснения генерал Вельяминов, как отмечалось, был близким другом Александра I, и ему приходилось заботиться не только о себе, но еще и о главнокомандующем – Ермолове, не до конца еще прижившемся на Кавказе. С ним, с Ермоловым, была своя собственная сложность. Разделив позицию Аракчеева в вопросе о грузинских князьях Эристави, участвовавших вместе с Титовым в разгроме Южной Осетии, Ермолов невольно становился в «оппозицию» к Голицыну, противнику возвращения Эристави владений в Осетии. Что же до фактической точности всего происшедшего в Южной Осетии, то даже духовные лица – от рядовых священников до экзарха Грузии, – доносившие о разбое карательной экспедиции, были сдержанны в описании всех событий. Разбой здесь сопровождался не только убийствами, арестами людей, но и насилием над женщинами; дикий разгул был так велик, что Титов позаботился даже о своем поваре, для которого он «отнял у осетина жену» и «отдал насильно». Генерал Вельяминов обещал князю Голицыну наказать Титова, но, естественно, этого не произошло. Масштабность карательных мер, предпринятых российско-грузинскими войсками, можно было представить по политической реакции, вызвавшей события весны 1821 года во всей Осетии. Не только представители российских властей, но даже духовные лица не допускались в осетинские села. Осетины, как на юге, так и на севере, отказывались от христианства, «позволявшего» насильникам убивать невинных людей. На требование владикавказского коменданта принять осетин в «российское подданство», из которого они вышли после экспедиции Титова, генерал Дельпоццо объяснял, что осетины требуют «письменных» гарантий в том, что их не будут более привлекать к принятию христианства. Но самой сложной проблемой для командования являлась подготовка в Осетии к антироссийскому вооруженному восстанию. Генерал Вельяминов, оправдывая «меры наказания» Титова, в своем обращении к «осетинским племенам» заверял население, чтобы оно не «опасалось подобной же участи и что российские войска не войдут более в жилище» осетин. Он также обещал «защиту и покровительство правительства» всем, кто будет выполнять требования властей. В обращении генерала, обещавшего наказать Титова, не было даже намека на сожаление о разоренных и сожженных селах.

«Разбойный феодализм». «Разбойное дворянство»

Грузинская историография, естественно, хорошо заметила, что начиная с 1519 года, т. е. с захвата Персией большей части грузинской территории, а также ряда других районов Закавказья, устанавливались здесь восточные формы феодализма. Однако утверждается, будто перестройка «традиционного феодализма» и процесс возобладания «персидской» социальной модели захватил только Армению и Азербайджан, но стороной обошел Грузию, в которой якобы, как и раньше, владельцем земли оставался грузинский феодал. Вместе с тем признается, что в XVI веке, в результате персидской агрессии, угона в плен больших масс населения из Грузии и разрушения хозяйственной жизни, происходит ломка «национального» феодализма, основанного на частновладельческой собственности на землю, и установление новой формы феодального землевладения, рассматриваемой как «господство сатавадо». Последнее сопоставляется с «сеньорией», но с «европейской», хотя у грузинского феодализма, никак не соприкасавшегося с Западной Европой, а испытывавшего постоянное давление со стороны «феодализма-оккупанта», были принципиально иные политические предпосылки. Сатавадо, как новую персидскую форму феодальной структуры, уместно отнести к «сеньории», но с указанием на очень важную особенность – «сеньория» без домена. Однако не исключено, что в ряде отдаленных горных и малодоступных районов собственно Грузии сохранялись традиционные формы социальных отношений, отдельные из которых относились к «самтавро», т. е. сеньории с доменом.

В грузинском феодализме наряду с сатавадо существовало так называемое сацициано, очевидно, более раннее, чем сатавадо персидской модели, но также, скорее всего, «импортное» и весьма близкое к персидскому феодализму. Его проникновение, похоже, относится к 80-м годам XV века, когда участились вторжения на территорию Грузии туркменских племен. С приходом династии Сефевидов к власти, как известно, часть Туркмении отошла к Персии, и в ней, как и в Грузии, взяли верх деспотические формы феодализма. Стоит отметить два очень важных историографических факта: 1) какие бы формы феодальной собственности ни рассматривались, грузинские историки, как правило, закрывают глаза на персидское господство на значительной части территории Грузии и оценивают их вне зависимости от этого господства; 2) после 50-х годов XX века грузинская историография, отказавшаяся от обычного права как от регламентирующей феодальные отношения нормы, не предложила сколько-нибудь четкой правовой системы, на которой бы основывались отношения между «крепостником» и «крепостным».

Вторая проблема, тесно связанная с первой, так и осталась в грузинской науке невыясненной. На самом деле феодальные институты, как и феодальная собственность, созданные в соответствии с деспотической организацией власти, подчинялись прежде всего отлаженной государственной машине, широко применявшей насилие. Собственно, деспотическое насилие, как главная основа в отношениях между сатавадо и крестьянином, сложившихся после XVI века, хорошо отразилось в своде законов царя Вахтанга VI, изданных им в начале XVIII века. Приведем некоторые из них: «Крестьянин как сам, так и то, что есть у него, принадлежит его господину»; «Помещик имеет право продавать и отчуждать всяким иным способом своего крестьянина»; «Движимое и недвижимое имение крестьянина находится в полном распоряжении помещика»; «По смерти крестьянина, не оставившего сыновей, если он был куплен, все имущество его принадлежит помещику»; «Если бы господин и подлинно казнил или изувечил своего крестьянина, то сей последний и наследники его не вправе требовать от него удовлетворения»; «За побой господина крестьянин повинен лишиться руки или заплатить господину цену оной, а за личное ругательство в ярости лишиться языка или заплатить цену оно́го». Вахтанг VI, составитель свода законов, не относился к «царям-тира-

нам», напротив, его справедливо было бы отнести к «царям-просветителям». Не исключено, что в его записи сложившиеся в Грузии «феодално-правовые» отношения могли приобрести некий «либеральный» вид. Так, прогрессивный царь избегал признания права феодала совершать над подвластным разбойные экзекуции.

В 1824 году российская администрация, желая придать грузинскому феодализму «национальные черты» и тем найти более прочную опору среди местной знати, велела перевести на русский язык свод законов Вахтанга VI с намерением использовать их на практике. Грузинская знать не скрывала своего социального упоения, ожидая, что она вновь приобретет право на неограниченный произвол. Но командование во главе с Ермоловым, «зараженным» французским либерализмом, заявило местной знати, что перевод на русский язык свода законов Вахтанга VI неудачный. И стало вводить в Грузии нечто вроде временных правил, регулировавших главным образом размеры крестьянских повинностей. Регламентация последних становилась актуальной задачей в условиях упорной борьбы крестьянства с феодальным наступлением грузинской знати. Само определение размеров и форм повинностей не принадлежало российской администрации: по существу, оно оставалось прерогативой самих феодалов. Командование Ермолова ставило лишь вопрос о том, чтобы повинности крестьян установить «раз и навсегда» «посредством» существующей государственной администрации. В Южной Осетии, где в 20-е годы XIX века главными феодальными владельцами являлись грузинские князья Мачабели и Эристави, каждый феодальный род вводил свои собственные повинности. Ясное представление о них очень важно, поскольку оно обнаруживает перед нами не одну только степень феодального гнета, но и глубже раскрывает саму персидскую модель феодализма, в свое время установившуюся в Грузии. Владетели Мачабели на той части территории Южной Осетии, которая им была отведена российской администрацией, ввели для крестьян следующие повинности:

- «1. Каждое семейство обязано давать помещику ежегодно по 3 барана, ценою 1 рубль серебром;
2. С каждого сакомло земли, составляющего от 15-ти до 20-ти дневных паханий, изыскивается ежегодно в пользу помещика по одной корове, ценою в 5 рублей или вместо оной 5 баранов; подать сия называется бегара и взыскивается с земли, хотя бы и несколько семейств жили на одном сакомло;
3. Через год обязаны они сверх бегара дасачукаро или подарок, состоящий от каждого сакомло земли в одном быке ценою 10 рублей серебром;
4. Ближайшие же осетинские селения, по джавскому ущелью проживающие, обязаны, кроме вышеописанной подати, давать помещикам ежегодно: а) в сырную неделю с каждого дыма два фунта масла или одну литру сыру, ценою 40 коп; б) в великий пост – пиво или, вместо оного, другим продуктом на 1 рубль серебром; в) с каждого дыма ежегодно по коды ячменя; г) один день в году делать распашку помещичьей земли при селении, имеющимися в оной плугами, засеять хлеб, сажать его и, ежели нужно будет, доставить оный в дом помещика; д) заготавливать ежегодно при селениях по одной копне сена в 5 пуд и, смотря по необходимости, доставлять оное к помещику; е) для построения помещику дома доставлять лес; ж) давать помещику услугу;
5. А с дальних осетинских селений взыскивается только подать скотом».

Если вчитаться внимательно в перечень и формы крестьянских повинностей, которые взимались в Южной Осетии, конкретно во владениях, отведенных российским правитель-

ством для грузинских князей Мачабели, то отчетливо видно, что повинности складывались не в форме феодальной ренты, вытекавшей из феодальной собственности на землю феода, а в виде вассально-ленных отношений, основанных на гипертрофии централизованной государственной власти. В приведенном выше случае российская администрация на территории Южной Осетии выступала в роли «сеньории», а князья Мачабели, как и ранее, сохраняли за собой свое вассально-ленное положение. Подобные отношения «сеньора» и вассала, как правило, не создавали сколько-нибудь заметного в экономике барщинного хозяйства, и феодальная эксплуатация концентрировалась на взимании продуктовой ренты. Повторим, экоклассическая модель восточного феодализма, в свое время сложившаяся в Грузии, отличается особой консервативностью, растянувшей для ряда стран Востока (в том числе Ирана) феодальное развитие на тысячелетия. Ее, как консервативную модель феодальной организации общества, которую Россия застала в Грузии, российские администраторы, желая найти политическую опору среди грузинской феодальной знати, пытались «совместить» с российским обществом, в коем наряду с феодально-крепостническими параллельно развивались буржуазные отношения. В то же время стоит подчеркнуть: российские власти, хотя и осторожно, стремились придать «варварскому» феодализму «европейский» фасад, внося в него некоторые ограничения. Генерал Ховен в рапорте Ермолову, где приводились повинности югоосетинских крестьян, просил командующего о том, чтобы князей Мачабели «обязать подпискою» «иметь снисхождение к бедным семействам и взыскивать следующую с них подать по состоянию каждого». Формально командование в Тифлисе предоставляло крестьянам право «жаловаться окружному начальнику», которому поручалось «оградить» крестьян «от непомерных взысканий и притеснений». Вводились еще два других ограничения власти владетеля: помещик не должен был «принуждать крестьян привозить хлеб и сено „в город или отдаленные места“; „не разлучать отнюдь семейства“ и в „услуги брать сирот“». Эти и другие ограничения, периодически вводившиеся российскими администраторами в Грузии и Южной Осетии, должны рассматриваться лишь как свидетельство расхождений между русским феодализмом первой половины XIX века и грузинским феодализмом персидского образца. Формальность же российских ограничений произвола грузинских феодалов заключалась в том, что, согласно предписанию того же генерала Ховена, князьям Мачабели самим предоставлялось право „отыскивать и брать под арест неповинующихся“ крестьян „или ближайших их родственников“. Именно в этом праве феодала терялись любые ограничения российских администраторов, направленные на „европеизацию“ грузинского феодализма. В то же время в нем получало свой простор традиционное, ничем не ограниченное насилие деспотического феодализма.

Несколько иная картина, связанная с взиманием повинностей в Южной Осетии, создавалась во владениях Эристава Ксанских. Отличие ее, однако, заключалось лишь в общих размерах повинностей, но никак не в сущностных чертах. Поземельная подать, называвшаяся «сакомло», включала в себя баранов, барашек, козлов, козляток, кур, масло, пшеницу, ячмень – т. е. продуктовую ренту. Губернский прокурор Е. Чиляев указывал на «малый доход» от сакомло, который якобы имел тенденцию к «уменьшению». Возможно, что князья Эристави скрывали размеры повинностей, взимавшихся реально с крестьян. Стоит учесть – феодалы, как правило, широко пользовались методами насилия и подвергали крестьян разорению. Но и у крестьян был свой выход из тяжелого положения: согласно обычному праву, если крестьянин продавал или просто отдавал свой участок другому, то с отчужденного участка уже не принято было взимать повинности. Осетинские крестьяне этим пользовались и уходили от выплаты податей. Что касается так называемых подымных сборов во время праздников (саагдгомо) и др., то их общая годовая сумма с одного двора составляла 3 рубля 50 копеек. Если учесть, что княжеский род Эристави «владел» в Южной Осетии 54 селами, в каждом из которых при среднестатистическом подсчете было около 12 дымов, то общий годовой

доход князей составлял 2418 рублей. В связи с этим нельзя было не обратить внимания на то, что в свое время вместо примерно такой суммы Александр I предлагал роду Эристави 10 тысяч рублей в виде ежегодной и пожизненной компенсации при переводе имений князей в казенную собственность. Выше отмечалось, с каким ожесточением Эристави добивались сохранения «своих имений», казалось, с гораздо меньшим профитом, чем императорский щедрый пансион. От этого слишком ясного факта, обнажавшего социальную суть грузинского феодализма, князья Мачабели и Эристави пытались отвести внимание официальных властей, прикрываясь «привязанностями» к «родовым ценностям». На самом деле Мачабели и Эристави, добиваясь материальных выгод и политических преимуществ в обществе, были ориентированы на традиционные представления о системе господства и подчинения. В ней, в этой системе, приоритетным являлась княжеская «вольность», позволявшая ничем не ограниченный произвол. Право на разбой и насилие, как важнейшее условие для генерации мизантропической идеологии, рассматривалось в качестве неотъемлемой части грузинской феодальной конструкции. Жесткость этой конструкции увеличивалась вдвойне, когда речь заходила о применении насилия в отношении крестьян негрузинского происхождения или же соседнего народа.

Известно, что холоп, испытавший унижение и жестокости, если ему достаются власть и сила, обычно по своей беспощадности превосходит бывшего хозяина. Грузинские тавады, более трех веков являвшиеся вассалами персидского шаха, с каждым годом благодаря поддержке российских властей набирали темпы по утверждению в Грузии и Южной Осетии варварского феодализма; в жестокостях и изощренных методах насилия они не уступали «кызылбашам», а порой превосходили их. Выдающийся советский кавказовед Зураб Анчабадзе в силу этой особенности квалифицировал грузинский феодализм как «разбойный», а его носителей – тавадов называл «разбойным дворянством». Приведенные выше крестьянские повинности, утвержденные в 1827 году российским командованием, явно не удовлетворяли грузинских князей. Но они и не поднимали ропота, поскольку хорошо понимали условный характер объявленных повинностей. Осетинские крестьяне, в 20-е годы XIX века официально платившие Эристави 3 руб. 50 копеек с одного дыма в год, несколько позже будут жаловаться, что князья в виде ежегодной подати требуют от каждого двора «3 быка, 3 барана и 9 абазов», т. е. около 50 рублей. В этих двух суммах примерно выражалась заметная разница между формально объявленными и реально взимаемыми с крестьян повинностями.

От Ермолова к Паскевичу

Генерал Ермолов твердо придерживался мнения, что в Закавказье главной политической опорой России могут являться только грузинские феодалы, получавшие от официальных властей наибольшие привилегии. За долгое время нахождения в Тифлисе его достаточно прочно убедили в том, что горцы «разбойны», совершают «набеги», «убивают» и «воруют», и лишь грузинская аристократия способна представлять «кавказскую цивилизацию». В одном из своих писем Александру I главнокомандующий объяснял, что лишение князей Эристовых владений в Южной Осетии «не может быть исполнено по видам практическим, ибо тогда прочие помещики потеряют доверие к правительству». Следуя этой политической установке, в 1826 году в условиях начавшейся русско-иранской войны Ермолов отдал окружным начальникам Тифлисской губернии распоряжение «отнюдь не вмешиваться в хозяйственные» дела грузинских помещиков, не решать за последних порядок «обложения» крестьян повинностями, признать за ними «бесспорное их владение состоящих» у них «крестьян» и «взысканий» с них подати, чтобы во всем этом грузинские тавады «не ограничивали бы права свои». Распоряжение главнокомандующего не являлось обычной защитой интересов социально родственного класса. Ермолов, пожалуй, одним из первых своим решением превращал Южную Осетию в разменную монету, с помощью которой думал оплатить политическую «благонадежность» грузинских тавадов. При этом он хорошо осознавал хищнический характер грузинской знати и опасался, как бы его распоряжение не имело слишком далеко идущих последствий. Называя в нем тавадов «сумасшедшими», имея в виду их жестокости в отношении крестьян, Ермолов просил окружных своих начальников, чтобы они, объявляя грузинской знати неограниченные привилегии, сумели княжескую вольность удержать «законом поставленными» пределами. Столь наивное пояснение для главнокомандующего, знавшего про Кавказ все, что ему было положено, напоминает старый грузинский анекдот с рассказом о том, как женщина была беременна «только наполовину». Поскольку распоряжение отдавалось при начавшейся войне с Персией, ставившей главной задачей возвращение Грузии, то не исключено, что Ермолов больше всего опасался традиционной «привязанности» грузинской знати к шахскому престолу и образования в его тылу сильной тавадской оппозиции. Он знал, как вновь оживилась тавадская эмиграция во главе с грузинскими царевичами, принимавшими участие в составе персидских войск в русско-иранской войне. Конечно же, Ермолову было известно, что царевич Александр, сын Ираклия II, взялся командовать в набиравшей масштабы войне отдельным воинским соединением, состоявшим из горцев Кавказа; в одном из писем царевич Вахтанг, также являвшийся придворным шаха, называл легионеров царевича «лезгинами» и, преувеличивая их численность, указывал на цифру в 23 тысячи. Важно также заметить, что тот же царевич Вахтанг, внук имеретинского царя, в письме к князю Давиду Гуриели обращался с просьбой, чтобы последний лично встретился с эриставскими князьями, «кои расторопны и деловые», и склонил их к войне с Россией. Судя по содержанию письма, в котором затрагиваются важные события войны и где нет других персоналий, кроме Эристави, из тех, на кого бы мог рассчитывать царевич Вахтанг, возможно, ставка делалась на привлечение осетин к войне с Россией. Источники того времени свидетельствуют о том, что грузинские феодалы добились с помощью российских властей разоружения грузинского крестьянства, чтобы они небольшими своими отрядами справлялись с частыми бунтами. При полном вооружении и с заметным воинским потенциалом оставалось осетинское население.

Русско-иранская война, которой был занят Ермолов, серьезно повлияла на положение в Западной Грузии. Здесь явно обострились русско-турецкие противоречия. Иран и Турция вели переговоры о военном союзе против России. Представители грузинской знати, в

том числе не только эмигранты, но и отдельные лица в самой Грузии, недовольные российскими властями, принимали активное участие как в войне с Россией, так и в политических событиях в Западной Грузии. Стоит особо отметить, что оппозиционная часть грузинской знати в очередной раз демонстрировала свое фетишизированное пристрастие к такой «собственности», как власть. Ермолову были известны многие факты, связанные с переменами в политической ориентации, происходившими в среде грузинских тавадов. При этом, судя по переписке князей с эмигрантскими царевичами, представители оппозиционной знати, в особенности царевичи, напоминали политических слепцов, не способных к хотя бы пространственному соотнесению Ирана с Россией или России с Турцией, переживавшей не самые лучшие времена. В 1826 году на ирано-турецких переговорах дело дошло до того, что, по свидетельству царевича Вахтанга, грузинский царевич Константин настаивал на том, чтобы Турция провозгласила его «императором» Грузии и письменно это подтвердила. Желание стать «императором» являлось следствием не той политической слепоты, которой отличались царевичи, оно родилось среди грузинской знати благодаря России, в начале XIX века создавшей из двух небольших и разоренных княжеств и тавадских уделов единую страну и давшей ей название «Грузия». «Имперская идеология» среди знати становилась «осязаемой» на фоне любого наступления грузинского феодализма на территории соседних народов. Невольным созидателем ее был также Ермолов, в конце первой четверти XIX века оказавшийся в на редкость сложной обстановке, сложившейся на Кавказе; именно тогда «всемогущий» Ермолов столкнулся с Кавказской войной, в которой он, кроме чисто военных операций, ничего не мог себе объяснить. В волнение пришли Осетия и Кабарда. Пока автономно, но войну с Россией вела уже Чечня, угрожала войной Турция. На фоне этих событий главнокомандующий, большую часть своего времени посвятивший войне с Ираном, был вынужден решительно пересмотреть свою политическую доктрину на Кавказе. Ермолов снял блокаду в Дагестане и Чечне, направил военный отряд в Кабарду, в угоду грузинским тавадам войсковыми рейдами держал в напряжении Осетию, щедро дарил титулы, воинские звания и феодальные владения грузинской знати, поощрял в ней политическую надменность, чванство и «императорскую» спесь. Переменам подвергались не только политические приоритеты, менялся сам Ермолов. Незаурядный генерал, на которого на Кавказе лавиной обрушились крупномасштабные события, более не был похож на «наперсника Марса и Паллады», на «гения северных дружин». Он не походил и на «сфинкса молодого» (Рылеев). Ермолов перестал являться «владыкой Кавказа». Он стал масштабом гораздо меньше, всего лишь «господином проконсулом Иберии», как справедливо его называл Грибоедов. Именно тогда, в 1826 году, Ермолов, более пяти лет державший горцев Северо-Восточного Кавказа в жесткой блокаде, произнес одну из своих самых метких фраз: «десять лет я пытался понять горцев, но так и не смог их постичь». Слова были произнесены, когда горцы, которых Ермолов называл «мошениками», а в пылу гнева – «блядьми», стали обращаться к главнокомандующему с просьбой отправить их на войну с Ираном, чтобы защищать Россию. В знак солидарности с Ермоловым, командовавшим военными действиями на иранском фронте, горцы на время прекратили набеги на Кавказскую линию. Главнокомандующий не мог не обратить внимания на два слишком «странных» явления: разоренные карательными экспедициями горцы просились на войну с Ираном, а грузинские тавады, пользовавшиеся милостями России, суетились и вместе с эмигрантскими царевичами готовились к новым политическим играм, напоминавшим банальное гадание на ромашке, в котором вновь выяснялось – Россия или Персия, Россия или Турция. Подобные «кавказские» перепады «температурных режимов», никак, казалось, несовместимых с обычной политической логикой, внушали Ермолову мысль о невозможности познать тайны Кавказа. Вполне возможно, что он поделился этой мыслью с Пушкиным во время их встречи в 1829 году, и она, эта преследовавшая европей-

ски образованного генерала мысль, стала поводом для пушкинской фразы, в которой поэт назвал Ермолова «великим шарлатаном».

Ермолов начинал свою кавказскую эпопею с четкой концепцией; суть ее он сформулировал достаточно лапидарно: «Кавказ, – заявлял генерал, – это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо штурмовать ее или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого, так поведем же осаду». С точки зрения военного искусства, осада Кавказа была безупречной, однако проводилась она при полном невежестве в представлениях о «противнике». Это стало главной причиной провала ермоловской военно-политической доктрины на Кавказе. Разочарование было столь велико, что нередкие обращения, поступавшие позже к Ермолову от его преемников с просьбой дать свои «рецепты» к «тайнам Кавказа», вызывали у выдавшего виды генерала раздражение и, как правило, не имели отклика.

А.П. Ермолов не смог раскрыть тайны Кавказа, но давно и хорошо изучил Петербург. Он ждал своей отставки и был готов к ней. Дело, однако, заключалось не в том, что он тесно общался со многими декабристами, сосланными на Кавказ, и «нежелательными для Петербурга» лицами, находившимися на кавказской службе, и это послужило причиной отставки. Все было гораздо проще. Новый император Николай I, получивший главным образом военное образование и собиравшийся особое внимание уделить милитаризации страны, имел немалые полководческие амбиции, связанные с начавшейся Кавказской войной и русско-иранским фронтом. Николаю I нужен был «подходящий» партнер на Кавказе. Ермолов, о котором хорошо знал император, для такой роли не подходил. Не только из-за неумеренной амбициозности, но и из-за чрезмерной «легендарности», слишком мало места оставлявшей для первой Персоны страны, отныне бравшей на себя обязанности неформального главнокомандующего на Кавказе. Планам Николая I на Кавказе более соответствовал И.Ф. Паскевич, хорошо известный генерал, ранее командовавший гвардейской дивизией, в которой служил будущий император. Паскевич пользовался у только что вступившего на престол царя особым доверием; не случайно накануне, когда рассматривалось дело декабристов, этот генерал стал членом Верховного суда.

Свою службу Паскевич начинал в 1826 году с командования на русско-иранском фронте, а через год был объявлен наместником Кавказа и главнокомандующим. Ермолов критически и не без «ревности» относился к деятельности своего преемника. Когда окончится русско-турецкая война и к фамилии Паскевича добавят титул «Ериванский», Ермолов назовет любимца императора «Паскевичем-Ерихонским», очевидно, желая указать на «древность» последнего.

Новые планы Петербурга

Еще при Ермолове, в начале 1826 года, в Генеральный штаб России поступило императорское распоряжение о разработке нового «плана покорения» Кавказа. В нем пока поручалось выполнение технической стороны плана – изучение вопросов топографии, демографической статистики, изготовление карт, описание народов и народностей в главных направлениях будущих военных действий на Кавказе. Естественно, одним из центральных районов, кои включались в план, была признана Осетия, занимающая важное стратегическое положение на Кавказе. Предварительно сюда, в осетинские общества, прибыли военные чиновники и в том же 1826 году приступили к военно-топографическому и статистическому описанию Осетии. Сведения о южных районах Осетии, куда по инициативе грузинских князей неоднократно направлялись экспедиции, Генеральный штаб и российские военные власти в Тифлисе имели и ранее. Задача заключалась в том, чтобы столь же подробные данные получить и об обществах Осетии, занимающих северные склоны Центрального Кавказа. У российского командования были опасения, что в будущих карательных мерах, направленных на «покорение горцев», встретятся серьезные трудности, если силы Северной и Южной Осетии объединятся и окажут вооруженное сопротивление. Администрация Ермолова оперативно взялась за разработку плана силового подавления Осетии и установления в ней российских институтов власти. Уже в 1826 году в Генеральный штаб Военного министерства было представлено подробное описание осетинских обществ, расположенных на северных склонах Кавказского хребта. В нем приводились точные границы отдельных обществ, в каждом из которых были свои особенности в хозяйственной жизни, социальном делении населения. Но главное внимание в «описании» уделялось вопросам, представлявшим военный и политический интерес. Так, в описании Тагаурского общества, через которое пролегла Военно-Грузинская дорога, содержались сведения о том, что тагаурцы, в случае военных действий, могли выставить 800 пеших воинов и 300 всадников. Вместе с этим указывалось, что простой народ, притеснявшийся местной знатью, не выступит против российских войск, поскольку не пожелает объединиться с феодальной группировкой, стоявшей в оппозиции к российским властям. Это, однако, не означало, что в Тагаурском обществе, на южные окраины которого при поддержке российской администрации претендовали Эристави, местное население было настроено проправительственно. Авторы описания подчеркивали, что тагаурцы «к российскому правительству никакой преданности не имеют и питают совершенную ненависть». Такая политическая настроенность свободных общинников Тагаурского общества объяснялась явной поддержкой российского командования феодальных притязаний на это общество со стороны князей Эристави. Другая политическая ситуация создавалась в Куртатинском обществе. Практически недоступное с южной стороны и защищенное от каких-либо феодальных поползновений грузинских тавадов и потому не знавшее жестоких карательных мер российских войск, это общество «к российскому правительству» было «расположено порядочно и явной ненависти» от куртатинцев «до сего времени не было замечено». За исключением населенных пунктов, расположенных ближе к Южной Осетии, Алагирское общество проявляло в отношении российских властей лояльность. Положение, похожее на «нейтралитет», вызывалось со стороны алагирцев опасением возможных карательных экспедиций, подобных тем, какие направлялись в Южную Осетию. Сказывалось и другое – Ермолов продолжил переселение жителей Алагирского общества на равнину, начатое еще в начале 20-х годов XIX века и, не желая срывать переселенческого движения, алагирцы были настроены вполне мирно.

Сложной обстановкой в «Описании» было представлено политическое положение Дигорского общества. Считалось, что дигорцы, «питая ненависть к российскому правитель-

ству, не имеют к оному преданности, и никто из среды их не показывает» к российской администрации «особенного расположения». Переселение дигорских крестьян на равнину Ермолов проводил вопреки воле дигорских феодалов, из-за чего последние были крайне недовольны. Периодически главнокомандующий менял свою политику, учитывая интересы феодальной знати, но тогда свое недовольство выражало крестьянство. Дело кончилось тем, что и феодалы, и крестьяне перестали верить российской администрации и ее игнорировали.

Но в самом сложном и тяжелом положении находилась Южная Осетия. В этом районе Осетии не стоило выяснять вопросов о политических пристрастиях. Они были крайне негативны как в отношении грузинской знати, подвергавшей осетинское население грабежу, так и российской администрации, состоявшей в политическом союзе с тавадами. Здесь, в югоосетинских обществах, рождались идеи освободительного движения. По свидетельству душетского земского исправника, в Гудском ущелье Южной Осетии крестьянский лидер осетин Реваз Рубаев, «тайным образом» совершая поездки по Осетии, выступал от имени «обитателей верховья Арагви с тем, чтобы Осетия принялась за оружие и общими силами... соединенными с арагвянами, действовать же против самого правительства». Идея всеобщего вооруженного восстания, которое бы охватило обе части Осетии, находила поддержку среди осетин. Тот же земский исправник сообщал грузинскому гражданскому губернатору, что «в короткое время» «многие на то» (на восстание. – М. Б.) «посягнули», но «дальнейшему действию воспрепятствовали» влиятельные осетинские старшины – Тома Басилаев и Парсадан Солохав (Шавлохов? – М. Б.). Было очевидно – идея о восстании и освободительном движении переживала время, когда организационно-политически она не обрела еще четких очертаний. Просматривалось и другое – отдельные осетинские старшины были в союзе с грузинскими тавадами и серьезно влияли на развитие политических событий. Тома Басилаев и Парсадан Солохав, сорвавшие восстание летом 1827 года, были «знакомыми» князьями Эристовых; Юзбаш и Шалва Эристовы «послали» к упомянутым осетинским старшинам «двух осетин» явно для того, чтобы приостановить зародившееся восстание и «узнать от них во всей подробности» о намерениях повстанцев.

К началу 1830 года политическое положение Южной Осетии несколько стабилизировалось. Это было достигнуто благодаря активности российской администрации среди югоосетинского крестьянства и обещаниям о «введении между ними правления и о первоначальном их образовании», иными словами – установления в Южной Осетии российской администрации и предоставления ей независимости от грузинских князей. О подобных обещаниях сообщал гражданскому губернатору советник Яновский, считавший, что только такое решение югоосетинского вопроса может «вселить» в «среду осетин» доверие «к русским». Однако гражданский губернатор наставлял своих подчиненных повременить «до весны» (до весны 1830 года); по свидетельству губернатора, так было угодно новому главнокомандующему графу Паскевичу. Завершив русско-турецкую войну, последний еще в 1829 году получил от Николая I новую стратегическую директиву, суть которой сводилась к следующему: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных». Приведенные слова императора, бесспорно, предрешили события 1830 года на Большом Кавказе. Однако многие исследователи распространяют их значение и на все последующее время, будто бы они определили политику Николая I на Кавказе. На самом деле установку на «усмирение» горцев «или истребление непокорных», данную сразу же после окончания русско-турецкой войны и скорее всего под впечатлением от громкой победы над Портой, император пересмотрит в том же 1830 году. Стоит также подчеркнуть – граф Паскевич, отличавшийся спокойным нравом, не был сторонником столь крайних мер, чтобы в его решениях или приказах давались распоряжения об истреблении горцев. В то же время указание Николая I о новом наступлении на горцев Большого Кав-

каза – а речь в его распоряжении шла именно о них – вызвало на Кавказе крупные военно-политические события. По свидетельству генерала А.И. Нейдгардта, император требовал от Паскевича «произвести одновременный поиск противу всех горских народов, завладеть важнейшими пунктами их земель, а в особенности низменностями оных и, таким образом, лишить горцев средств пропитания, принудить их к покорности».

По плану Паскевича, вначале предполагалось карательными мерами овладеть левым и правым флангами Большого Кавказа, а затем приступить к военным действиям на северном и южном склонах Центрального Кавказа. Но первые же карательные экспедиции в горные районы Дагестана и Северо-Западного Кавказа убедили командование на Кавказе в нереализуемости столь сложного плана, выдвинутого императором. Граф Паскевич отказался от крупных военных операций, переориентировал основные силы на Центральный Кавказ и решил небольшими карательными экспедициями форсировать наступление по Осетии – стратегически наиболее важному району Кавказа. Ближе к концу мая 1830 года командующий Отдельным Кавказским Корпусом дал предписание тифлисскому военному губернатору генералу Стрекалову приступить к вооруженной карательной экспедиции в Южную Осетию. Для губернатора цель экспедиции формулировалась следующим образом: «наказать, привести в повиновение и должный порядок». Подготовка к ней началась еще в 1829 году. Экспедиции предшествовало составление нового подробного описания Южной Осетии. Его граф Паскевич приложил к своему предписанию для Стрекалова.

«Осетины живут бедно... но мало повинуются» князьям

Согласно описанию, в конце первой трети XIX века «главные селения южных осетин» были расположены на южных склонах Главного Кавказского хребта «по ущельям рек Большой и Малой Лиахвы», реки Паца, впадающей в Большую Лиахву, и на горных вершинах Ксана. Территория Южной Осетии ближе к Главному хребту покрыта «вечными снегами», в «нижней же части... находятся довольно густые леса». «Жилища осетин» размещаются «неправильными деревнями по ущельям» и «состоят из каменных саклей». «В каждом селении» возводится «по одной или по несколько каменных башен». В предгорной зоне «сакли в деревнях» «разбросаны и окружены небольшими садами», а в горной – «прилеплены подобно птичьим гнездам к скалам и косограм».

Несмотря на мягкий климат в равнинной части Южной Осетии и неплохие условия для земледелия, впрочем, как и в предгорной зоне, хозяйственная жизнь осетин переживала полную деградацию. Такое состояние экономики было характерно и для районов Грузии. Существующие в грузинской историографии идиллические картины о 30 сортах пшеницы и вине, «изобретенном впервые грузинами», ничего общего не имели с действительностью. Возможно, что-то похожее было в древности, но, начиная со средневековья, когда Закавказье стало объектом постоянных разорительных нашествий Персии и Турции, а несколько позже и горцев Большого Кавказа («лекианоба»), можно судить лишь о полной деградации экономики. По данным видного грузинского историка Г.В. Хачапуридзе, в 1829 году в Грузии «остро продолжал стоять вопрос о производстве зерновых культур». Тот же генерал Стрекалов, которому граф Паскевич поручил «покорить Южную Осетию», писал министру финансов России Е.Ф. Канкрину, что «земледелие находится здесь (в Грузии. – М. Б.) в младенческом состоянии». Сдвинуть его с этого места, казалось, было уже невозможно. Генерал Стрекалов жаловался, что жители края, т. е. Грузии и Южной Осетии, «довольные весьма малым», «страшятся» производить сельскохозяйственную продукцию, они «лучше согласятся оставаться в совершенной бедности». Значительные территории Грузии из-за персидских вторжений и шахского режима были опустошены, и тифлисский губернатор ставил вопрос об их заселении. Российские войска, призванные защищать Грузию от внешней экспансии, испытывали немалые продовольственные трудности: для них «ежегодно» завозили «более 100 т. кулей муки и круп из Астрахани, Редут-Кале и Поти» (куль – большой мешок весом около 9 пудов). Общая картина экономики в Закавказье была столь тяжелой, что в Грузии, например, стали забывать культуру земледелия и приготовления сколько-нибудь сносных вин. Российские власти в Тифлисе занимались отправкой в Москву грузинских юношей «для обучения в земледельческой школе» и «приглашением специалистов-виноделов из Франции».

В таком же состоянии находилась хозяйственная жизнь Южной Осетии. Согласно «Описанию», присланному графом Паскевичем генералу Стрекалову, «осетины вообще живут бедно, занимаются скотоводством, сеют, но в малом количестве, ячмень, овес и просо, из коих вместо хлеба делают лепешки».

Тяготы закавказских народов не ограничивались только низким уровнем хозяйственной жизни. Сюда, в Закавказье, в частности в Грузию и Южную Осетию, был занесен и такой «персидский феномен», как добывание средств к жизни разбоем и насилием. Документы того времени пестрят сообщениями о набегах, убийствах, угоне скота, грабежах, воровстве и пр. Этим занимались все слои населения – и тавады, и крестьяне. Этим обстоятельством, собственно, объяснялось стремление крестьян оставаться бедными, чтобы не привлечь излишним достатком внимания к себе и не сделать семью жертвою разбоя. В особенно

тяжелом положении в первой трети XIX века оказались грузинские крестьяне, жившие на равнине или же в легкодоступных местах. Как уже отмечалось, тавады добились у российских властей разоружения крестьян, и последние становились жертвой не только своих феодалов, но и хорошо вооруженных горцев. Особенно опустошительными были набеги на Грузию со стороны горных районов Дагестана. Разбойные нападения на Карталинию совершали также южные осетины. Однако они отличались своей социальной адресностью. Так, накануне карательной экспедиции российских войск, ставившей перед собой решение «югоосетинского вопроса», горийский уездный начальник сообщал в Тифлис о нападении 40 осетин (кешельтцев) на дом грузинского помещика в селе Тигва; феодал Ниния Надирадзе и его сын Содем были захвачены в плен, крестьяне забрали все их имущество и две пары быков. Тотчас же был взят в плен и помещик Ломидзе. Все захваченные были помещены в свинарник.

В подобных антифеодалных акциях югоосетины имели не только богатый опыт, но и располагали хорошей оснащенностью. По оценке офицеров военного штаба в Тифлисе, «непокорные осетины» были «вооружены ружьем, саблей, кинжалами, пиками, отчасти имели пистолеты». Эти же офицеры отмечали, что южные осетины «оружие содержат довольно исправно, делают сами порох, а свинец добывают из своих гор». Кроме оружия, всегда готового к применению, жизненный уклад южан был приспособлен к военному сопротивлению иноземным агрессорам, постоянно угрожавшим их независимости. Описывая Южную Осетию весной 1830 года, российские военные чиновники считали, что «народ сей... силою оружия и, надеясь на природную крепость своих жилищ в удаленных и малопрístupных ущельях, приписывает» уверенность в «невозможности проникнуть в их жилища». Учитывалось при обороне или вражеской осаде четкое взаимодействие предгорных жителей с горными: «замечено, – обращалось внимание российского командования накануне экспедиции, – что осетины нижних ущелий имеют связи и влияние на верхних, ибо через них сии последние получают с плоскости все, что им нужно для жизни». В условиях неотвратимого наступления грузинского феодализма Южная Осетия напоминала хорошо отлаженную крепость, одолеть которую было непросто. В этом факте российское командование находило и объяснение отношений, сложившихся между югоосетинскими обществами, с одной стороны, и князьями Мачабели и Эристами – с другой. По поводу этих отношений в «Описании» подчеркивалось: «над южными» осетинами, «живущими по Большой Лиахве и Паца, присваивают себе власть князья Мачабеловы, а над живущими по Малой Лиахве и Ксане – князья Эрестовы, но они им мало повинуются».

Забыв слово «война», приступили к созданию империи

Как отмечалось, директиву о фронтальном военном наступлении на горцев Большого Кавказа сформулировал Николай I, придававший Кавказскому перешейку, как стратегически важному, особое значение. Идеология установки на «покорение или истребление» рождалась, однако, не столько в Петербурге, сколько в Тифлисе. Она становилась важной чертой российско-грузинского взаимодействия в условиях русско-иранской и русско-турецкой войн конца первой половины XIX века. Выдвинутая еще Ермоловым идея о создании в лице грузинской знати надежной политической опоры в Закавказье, получила новое развитие при Паскевиче. Не без его участия весной 1827 года грузинское дворянство, которое все еще оставалось расколотым на «пророссийски» и «проирански» настроенных, полностью было уравнено «в правах и преимуществах с российским» дворянством. Это было сделано в соответствии с «жалованной грамотой дворянству», изданной еще в 1785 году Екатериной II. Такого социального возвышения, какого удостоилось «разбойное дворянство» Грузии, не знали феодалы других районов Кавказа. Особая привязанность российской властвовавшей военной и гражданской бюрократии, увлеченной высокой идеей защиты православия, к грузинским тавадам, любителям громких и лживых фраз, усилилось в ходе русско-турецкой войны, в которой активное участие приняли со своими отрядами грузинские дворяне. Крупные победы России в русско-иранской и русско-турецкой войнах фактически были преподнесены с российской щедростью на алтарь Грузии. Благодаря этим войнам окончательно была снята опасность для Грузии со стороны Ирана и Турции, а закрепление за Грузией западных районов Кавказа и присоединение к ней Ахалцихского пашалыка наметили процессы создания из бывших грузинских княжеств – вассалов Ирана и Турции – некоего подобия «Кавказской империи». Город Тифлис из небольшой крепости на берегу Куры превратился в столицу созданной Россией в Закавказье страны. Столь неожиданное новшество было замечено не только на Кавказе, но и далеко за его пределами. К. Маркс в далекой Западной Европе стал называть Тифлис «центральным пунктом... в Азии».

В грузинской историографии гипертрофически оценивается участие Грузии в русско-иранской и русско-турецкой войнах. На активность в них грузинской знати, ожидавшей своего дальнейшего возвышения, социально остро реагировало грузинское крестьянство, опасавшееся новых угроз феодального гнета. По свидетельству А.В. Орбелиани, «грузины давно не воевали, забыли даже слово „война“. Когда же весной 1829 года в Тифлисе прозвучали распоряжения гражданского губернатора о призыве в ряды „милиции“ для участия в войне с Турцией с „5 дворов или семейств“ по одному вооруженному милиционеру, «весь народ закричал:

«не дадим, нет, нет!» Генерал Стрекалов пытался объяснить, что призывают не рекрутов, а создается грузинское ополчение, но и это не помогло. На Авлабарской площади Тифлиса собрались жители города и близлежащих сел и, угрожая всеобщим восстанием, отвергли идею об участии грузин в войне с Турцией. Присутствовавшие здесь же тавады взялись «образумить народ», но «были избиты разъяренной чернью, угрожавшей даже сжечь их дома и истребить сады». Дело о создании грузинского ополчения и отправке его на турецкий фронт приняло столь бурное развитие, что в него пришлось вмешаться главнокомандующему Паскевичу. Он обратился ко всему грузинскому народу с воззванием: «Дошло до сведения моего, – говорилось в нем, – что злонамеренными гнусными людьми рассеиваются между народом вредные и нелепые слухи по случаю сбора земского ополчения. Они говорят, будто требуют от грузин солдат. Такого намерения вовсе не было. Ваши солдаты не нужны». Фельдмаршалу потребовалось добавить, что призыв в ополчение объявлен на ограничен-

ный срок – «в течение нынешнего лета, именно 6 месяцев». Речь шла о завершении войны с Турцией и чтобы решить эту задачу, командованию требовались дополнительные силы. Поскольку войну с Ираном и Турцией российские генералы рассматривали как «защиту Грузии» от ее внешних врагов и, учитывая будущие территориальные приращения к Грузии, губернатор Стрекалов и командующий Паскевич были уверены, что их призыв к участию в войне с Турцией найдет поддержку среди простого народа. Но их надежды не оправдались. По данным советского историка Г.В. Хачапуридзе, по Грузии «рассылались нарочные, которые убеждали крестьян не соглашаться идти в солдаты. Первыми оказали неповиновение Коди, Кумиси, Вашловани и Табахмели. Их примеру последовали и крестьяне других сел». Отличились в русско-турецкой войне тавады – А. Чавчавадзе, Л. Орбелиани, И. Абхазов, Г. Эристов и другие, ранее удостоенные Петербургом генеральских воинских званий. Война с Турцией обнажила, таким образом, отсутствие у российских властей в Грузии опоры среди простого народа, разоренного своими владельцами. Эта слишком очевидная реальность, казалось, требовавшая необходимых перемен в социальной политике, еще больше подтолкнула российское командование на поиски новых средств расположения к себе тавадов. Одним из таких способов вызвать у грузинской знати уверенность в своем будущем являлось покорение непокорной Южной Осетии. Не исключено, что идея о крупной карательной экспедиции против осетин рассматривалась с участием генерала Г. Эристова, героя русско-турецкой войны, сородичи которого (да и он сам!) никак не могли добиться в Южной Осетии беспрекословного повиновения.

Объяснения графа Паскевича

12 мая 1830 года, как указывалось, горийский уездный начальник сообщил командованию в Тифлисе о захвате осетинскими крестьянами грузинских дворян и о том, что титулованные тавады содержатся в свинарнике. Через 12 дней после этого последовало предписание командующего Отдельным Кавказским Корпусом графа Паскевича об отправке в Южную Осетию карательной экспедиции. Вполне возможно, что эти два акта были в какой-то мере связаны между собой. Во всяком случае, пленение грузинских феодалов и помещение их крестьянами в свинарнике давали Паскевичу формальный повод обвинить осетин Южной Осетии в «хищничестве и шалостях», а затем в воровстве, грабежах и считать это все достаточным основанием для карательных мер против крестьян. Более подробные объяснения о мотивах экспедиции Паскевич дал в рапорте на имя военного министра А. И. Чернышева. В частности, граф подчеркивал, что «...Карталиния (центральный район Грузии. – М. Б.) была постоянно подвержена нападениям с севера от осетин, а с юго-запада от буйных и хищнических племен, населявших Ахалцихский пашалык». Устанавливая связь между пашалыком, в ходе войны с Турцией присоединенным к Грузии, и Южной Осетией, географически отдаленными друг от друга, Паскевич явно желал, чтобы его карательная экспедиция в Осетию рассматривалась в контексте войны с Турцией, счастливо для него завершившейся. «Осетины, – писал граф, – продолжавшие производить грабежи и убийства в течение военных действий» с Турцией, «не переставали обнаруживать таковое поведение и по заключении мира с Портою». Придав таким образом своей карательной экспедиции важный политический смысл, командующий еще раз перед военным министром сделал акцент на том, что «наказание сих непокорных» осетин, «в необузданности своей не признававших никакого влияния России, сделалось совершенно необходимым».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.